

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

СЕМИОТИКА

Язык. Природа. Культура

Курс лекций

Рекомендовано

*Учебно-методическим объединением по образованию
в области лингвистики в качестве учебного пособия*

для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям

022600 — Теория и методика преподавания иностранных языков и культур,

022900 — Перевод и переводоведение,

023000 — Теория и практика межкультурной коммуникации

и 021700 — Филология

УДК 003(075.8)
ББК 87.41я73
М 555

Рецензенты:

кафедра теоретической и прикладной лингвистики РГГУ
(зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор *С. И. Гиндин*);
доктор филологических наук, зав. отделом этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН *С. М. Толстая*

Мечковская Н. Б.

М 555 Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 432 с.

ISBN 5-7695-1008-0

В учебном пособии излагается знаковая концепция языка и проводится сопоставление языка с другими средствами передачи информации в природе и обществе. Семиотика позволяет увидеть самые существенные черты в содержании и строении естественных языков, а также пути развития коммуникативных технологий человечества.

Предлагаемая книга — это своего рода путеводитель: она знакомит с самыми значительными результатами семиотического изучения языка и других знаковых систем и помогает понять, как разные семиотики участвуют в процессах познания и коммуникации в обществе и природе.

Для студентов филологических, лингвистических и переводоведческих факультетов высших учебных заведений, а также для аспирантов и преподавателей.

УДК 003(075.8)
ББК 87.41я73

© Мечковская Н. Б., 2004
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2004
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2004

ISBN 5-7695-1008-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть первая. Основные понятия и история семиотики	6
Лекция I. Терминологическое введение	6
1. Предмет семиотики. Знаковая природа информации	6
2. Многообразие коммуникативных (информационно-семиотических) процессов в природе и обществе. Границы предметной области семиотики	8
2.1. Передача информации от человека к человеку. Слова, жесты и парасемиотические явления	8
2.2. Коммуникация в мире животных	9
2.3. Биокommunikация на уровне ДНК и генов	11
2.4. Коммуникация внутри организма или машины	11
2.5. Мышление как цепочка межкодowych переводов информации	12
2.6. «Надсознательная» коммуникация групп и сообществ (макрокоммуникация)	12
2.7. Предмет семиотики: знаки, но не содержание сознания	14
3. Назначение и возможности семиотики	14
4. Междисциплинарный характер семиотики и ее место в кругу гуманитарных наук	16
5. Лингвоцентризм семиотики. В чем ценность семиотики для языкознания?	20
6. Дефиниция и строение знака	23
6.1. Формула знака: бином или триада?	24
6.2. Варианты терминов, представляющих семиотический треугольник	25
6.3. Субзнаки: частичные знаки, полужнаки, фигуры, экспоненты	27
7. Явления, сочетающие в себе знаковые и незнаковые (утилитарные) функции	28
Лекция II. Главные события в истории семиотики	29
8. Спор о природе имен в Древней Греции (теории «фюсей» и «тесей»). Диалог Платона «Кратил» (IV в. до н.э.)	29
9. Чарльз Сандерс Пирс, признанный основатель семиотики Нового времени	32
10. Фердинанд де Соссюр как семиотик	34
11. Методологический экскурс: о необходимости различать «ценные для семиотики идеи» и работы, составляющие предмет истории семиотики	36

12. Герменевтическая семиотика Г. Г. Шпета	38
13. Первая в XX в. книга по семиотике: «Основания теории знаков» Чарльза Морриса (Чикаго, 1938)	42
14. Семиотические идеи Романа Якобсона	46
15. Проблемы семиотики в психологии	54
15.1. Жан Пиаже (1896—1980)	57
15.2. Лев Семенович Выготский (1896—1934)	58
15.3. Николай Иванович Жинкин (1893—1979) и его семиотические идеи	60
16. Семиотика в западноевропейском структурализме	66
16.1. «Структурная антропология» Клода Леви-Строса (1958)	66
16.2. Ролан Барт (1915—1980)	68
16.3. Мишель Фуко (1926—1984) и его «археология знания» ..	71
16.4. Жак Деррида (р. 1930)	71
16.5. Умберто Эко (р. 1932)	72
17. Московско-тартуская семиотическая школа	75
17.1. Генезис Школы	75
17.2. Был ли у московско-тартуской семиотики свой метод?	77
17.3. Основные постулаты московско-тартуской семиотики	77
17.4. Юрий Михайлович Лотман (1922—1993)	81
17.5. Вячеслав Всеволодович Иванов (р. 1929) и Владимир Николаевич Топоров (р. 1928)	83
17.6. Борис Андреевич Успенский (р. 1937)	85
17.7. Важнейшие публикации по семиотике в 1970—1980-х годах	87
17.8. Никита Ильич Толстой (1923—1996) и культурологическая семиотика в российской этнолингвистике	89
Часть вторая. Классы знаковых систем	95

Лекция III. Семиотический континуум и способы его обзора.

Две главные оси в систематизации знаков и знаковых систем	95
18. Цели семиотических таксономий. Принципы классификаций знаковых систем и знаков	95
19. Две главные оси систематизации знаков и знаковых систем: физическая природа плана выражения и генезис семиотики	97
20. Оптические знаки	99
21. Слуховые (звуковые) знаки	104
22. Знаки, связанные с восприятием запахов	108
23. Тактильные знаки	110
24. Знаки, связанные с вкусовыми ощущениями	114
25. Две физические оболочки языкового знака: самодостаточность и автономность звуков и букв	116

Лекция IV. Генезис и онтогенез знаковых систем: природные и культурные (естественные и искусственные) семиотики	117
26. Градуальный характер противопоставления природных и культурных семиотик	118
27. Градуальный характер противопоставления естественных и искусственных семиотик	122
28. Место языка в континууме природных и культурных семиотик	124
29. Онтогенез усвоения важнейших семиотик особью (или индивидом)	125

Часть третья. Классы элементарных знаков, различных по типу мотивированности и степени конвенциональности ... 129

Лекция V. Принципы классификации знаков. Типы мотивированности и три класса элементарных знаков	129
30. Оппозиция элементарных и неэлементарных знаков	129
31. Три ступени семиозиса и три типа знаков в зависимости от характера связи означающего и означаемого	130

Лекция VI. Знаки-индексы	135
32. Знаки-индексы в биокоммуникации	135
33. Жесты и мимика человека: на семиотическом перекрестке биологического и социального	136
34. Знаки-индексы в естественном языке	140
34.1. Интонация	140
34.2. Междометия	142
34.3. Шифтеры	142

Лекция VII. Иконические знаки. Звукосимволизм	144
35. Иконические знаки в коммуникации животных	144
36. Иконические знаки в жестах и мимике человека и в естественном языке. Звукоподражания и их дериваты	146
36.1. Иконичность в паралингвистике: между искренностью и игрой	146
36.2. Классы языковых иконических знаков	147
37. Идеофоны и иконичность в морфологии	148
38. Диаграмматические знаки и иконичность в синтаксисе	149
39. Звуковая изобразительность в индивидуальной речи	150
40. Звуковые жесты	150
41. Иконичность в графике	151
42. Древнейшая теория звукосимволизма: диалог Платона «Кратил» (IV в. до н. э.)	152
43. О семантичности звука в поэзии	153
44. «Заумь» и «самовитое слово» русских футуристов	154
45. Эмпирические проверки гипотез о звуковом символизме ...	156

46. Вопрос о природе звукового символизма, степени его универсальности и роли в семантике	159
47. Иконические знаки в искусствах и искусственных семиотиках	161
Лекция VIII. Знаки-символы	162
48. Знаки-символы в культурных (естественных и искусственных) семиотиках	162
49. Конвенциональная природа языковых знаков. Феномен неконвенционального отношения к знаку	164
50. Вторичная (внутрисистемная) мотивированность языковых знаков-символов	165
51. Вторичная (внутрисистемная и межсистемная) мотивированность неязыковых знаков	167
Лекция IX. Границы мотивированности и преимущества конвенциональных знаков	168
52. О том, насколько «удобны» и «легки» для пользователей мотивированные знаки, и о преимуществах конвенциональности	169
53. Различия между семиотиками в характере и степени мотивированности плана выражения знаков	173
Лекция X. Сложные знаки и новые ступени семиозиса	175
54. Производные и сложные знаки	176
55. Телесные движения-образы в ритуале, танце, игре актера	178
55.1. Выразительное телодвижение как первоисточник ритуала	178
55.2. Многофункциональность движения в танце	180
55.3. Телесные движения актера	180
56. Знаки-артефакты: предметы культа, регалии, архитектурные и скульптурные сооружения	181
57. Интонационные знаки-образы: ритм, мелодия, метр	181
58. Образы	183
59. Вербальные образы (тропы): метафора, олицетворение (прозопея), метонимия, синекдоха	184
60. Символы	188
61. Н.Д. Арутюнова о различиях между символом и знаком в наивной семиотике	189
62. Эмблемы	191
63. Аллегии и иносказания	192
64. Знаки-конструкции: формула, сюжет, композиция	193
Часть четвертая. Содержание и структура знаковых систем. Семиотические возможности естественных языков	196
Лекция XI. План содержания знака и знаковых систем	196

65. Признаки, значимые для характеристики содержания семиотики: тип передаваемой информации и надежность в передаче	196
66. Два полюса в универсальном информационном континууме: противопоставление 'субъективно-чувственного' 'объективно-рациональному'	197
67. Между биосемиотикой и математической символикой: «пропорции» субъективно-чувственных и объективно-рациональных значений в «срединных» частях семиотического континуума	200
68. Пределы возможностей языка в выражении чувственной и субъективно-эмоциональной информации	200
69. Пределы возможностей языка в выражении рациональной и объективной информации	202
70. Открытые и закрытые знаковые системы. Различия между семиотиками в способности меняться	202
71. Три типа семиотического содержания как градация когнитивных свойств разных знаков: художественный образ — лексическое значение — понятие	204
72. Факторы надежности в передаче сообщений: защищенность от «шумов», точность, удобство в эксплуатации	211
73. Избыточность кодирования и помехоустойчивость кода и канала	212
74. Надежность кода как отсутствие отклонений от переданной информации в воспринятой	213
75. Эксплуатационные свойства кода. Чем хороши и чем неудобны специализированные и художественные семиотики?	216
76. Аспекты плана содержания знака: денотатика, семантика, синтактика, прагматика	218
77. Лингвистическая конкретизация: аспекты плана содержания грамматического рода в славянских языках	220
78. Литературоведческая конкретизация: аспекты плана содержания образа «фаталиста» (поручика Вулича) в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова	222
Лекция XII. Различия между семиотиками в составе функций	224
79. Структура коммуникативного акта и возможные функции сообщения	225
80. О биологической релевантности некоторых видов коммуникации	228
81. Состав и иерархия функций, присущих разным семиотикам и разным видам коммуникации	230
82. Три предпосылки участия семиотики в познавательных процессах	232
83. В какой мере разные семиотики участвуют в процессах познания?	234

84. Регулятивная (побудительная) функция	236
85. Магическая (заклинательная) функция	237
86. Эмоционально-экспрессивная функция	238
87. Фатическая (контактоустанавливающая) функция	239
88. Метаязыковая функция в языке: речевой комментарий речи ...	241
89. Метаязыковая рефлексия в онто- и филогенезе. Роль метаязыка в интеллектуальном развитии сознания	243
90. Метасемиотика в науках и искусствах как свидетельство их семиотической зрелости	245
91. Эстетическая (художественная, или поэтическая) функция	246
92. Феномен неконвенционального отношения к знаку в искусстве. О семиотической близости магии и красоты	249
93. Онтогенез и филогенез эстетического отношения к знаку	251
94. Семиотические средства консолидации сообщества	252
95. Этническая и национально-государственная символика	253
96. Этноконсолидирующий символизм языка	257
Лекция XIII. Типы строения знаковых систем	259
97. Изолированные знаки и знаковые системы	259
98. Простые (элементарные) и сложные семиотики	260
99. Одноуровневые и многоуровневые семиотики	261
100. О нечленораздельных звуках в мире людей и животных	264
101. Черты строения паралингвистики, поведения и этикета: разнообразие подсистем; линейность, не имеющая синтаксиса; многоканальность	265
102. Сколько уровней в семиотической системе языка?	268
103. Семиотики, превышающие язык по количеству уровней	271
104. О способах накопления информации на географических картах и художественных полотнах. Сложные знаки- изображения	273
Часть пятая. Знаковые системы культуры	277
105. Сложные многоканальные и комплексные семиотики	277
Лекция XIV. Ритуально-религиозные семиотические системы. Поведение	278
106. Ритуал, древнейшая из социальных семиотик	279
107. Религии как сверхсложные семиотические системы	283
108. Логика и антиномии религиозной коммуникации	285
109. Поведение: повседневная реализация социокультурных кодов	292
109.1. Поведение как объект семиотики	292
109.2. Иерархия поведенческих «текстов» и определяющих их «кодов»	294

109.3. План выражения в поведенческих знаках	297
Лекция XV. Художественные семиотики движений человека: танец, игра актера, пантомима, цирк	300
110. История искусств как развитие и взаимодействие художественных языков	301
111. Язык танца, самого древнего из искусств	302
111.1. Танцевальные па — лексика танца	304
111.2. Синтаксис в семиотике балета	306
112. Метаязык балета: средства записи танца и терминология хореографии	306
113. Театр: о фактуре и единицах театрального языка	308
113.1. О повышенной семиотичности театральной паралингвистики	310
113.2. Мизансцена	310
113.3. Семиотическая антитеза театру (изобразительное искусство)	311
114. Пантомима как семиотический эксперимент	312
115. Семиотическая парадоксальность цирка	313
Лекция XVI. Семиотика звука. Музыка, самая загадочная и парадоксальная из семиотик	313
116. О парадоксальности музыки	314
117. О «предмузыке» у животных. Физическая природа и психологические истоки музыкального звучания	315
118. Семиотическая структура музыки	317
118.1. Дознаковые (несемантические) элементы музыкального языка: звуки и созвучия. Созвучие как аналог фонемы	319
118.2. Музыкальная интонация как аналог слова (лексемы) ...	320
118.3. Б. В. Асафьев о способе бытия музыки в общественном сознании: музыкальное сознание общества как устный музыкально-интонационный словарь	322
118.4. Индексы, знаки-копии и символы в музыкальном языке	322
118.5. Структурно-семантическое разнообразие интонаций	325
118.6. Господство синтаксиса	326
119. Неисчерпаемость фактуры музыкального произведения. Типы музыкального творчества и богатство музыкаль- ных форм	328
120. Парадоксальность плана содержания музыки: двуполярное соединение самого чувственного и самого абстрактного	329
121. Семиотическая революция в музыке: изобретение нотной записи как начало музыковедения	333
122. Почему так стремительно изменяется музыкальный язык?	336

123. Место музыки в семиотическом континууме культуры	339
Лекция XVII. Семиотики художественного изображения: скульптура, графика, живопись, архитектура, фотография, кино	340
124. Какие иконические знаки могли в эволюции предшествовать наскальной живописи?	341
125. Как изображения, предметы и постройки становились произведениями искусства?	342
126. Семиотическое своеобразие произведений изобразительного искусства	344
127. Иконичность и конвенция в пластических (пространственных) искусствах	346
128. Семиотика парка и сада	349
129. Вклад кинематографа в развитие визуальных семиотик: новая «натуральность», динамика и синтаксис изображений	353
Лекция XVIII. Семиотики искусного слова: поэзия и проза; эпос, лирика, драма	357
130. Какие «речи» и как становились произведениями искусства слова?	357
130.1. Эстетическое переживание слова: элементарный, но не исходный феномен в становлении словесных искусств	358
130.2. Какие функции вербальных дискурсов предшествовали их эстетическому восприятию?	359
131. Эволюция мифологии в фольклорные жанры	359
131.1. «Первомифы» как доязыковые архетипические феномены сознания	360
131.2. От мифологического эпоса к народным сказаниям о героях	361
131.3. От священного знания к бабушкиным сказкам	363
132. Фольклорные жанры, восходящие к культовым действиям и мистериям	365
132.1. Древнейшие загадки как мифологический катехизис	366
132.2. Состязания умов: загадки вместо палиц и загадки- насмешки	368
133. Заговор, его фольклорные и более поздние потомки (считалки, здравницы, тосты и т. п.)	370
134. Семиотическое своеобразие вербальных искусств	372
134.1. Материально-физическая общедоступность	373
134.2. Интеллектуально-образная и синтагматическая доступность	373
134.3. Интеллектуально-информационная содержательность	374
134.4. Сложные знаки литературы (литературные образы)	375
135. Уровневое строение художественной литературы	375

Лекция XIX. Специализированные искусственные семиотики	379
136. Мир искусственных семиотик и его древнейшие первоэлементы: число и буква	379
137. Системы международного смыслового письма (пазиграфии)	381
138. Информационные языки	383
138.1. Информационно-поисковые языки	383
138.2. Информационно-логические языки	385
139. Языки программирования	387
140. Почему возрастает значимость символических семиотик?	389
Заключение	392
Лекция XX. Тенденции в развитии знаковых систем и перспективы науки о знаках	392
141. Единство семиотического континуума	392
142. Срединное положение и посредническая роль естественного языка в пространстве природных и культурных семиотик	393
143. Тенденции в развитии знаковых систем	396
144. Эвристические возможности семиотики как одной из методологий гуманитарного знания	397
Список условных сокращений	399
Литература	400
Именной указатель	410
Указатель терминов	417

Я всячески приветствовал развитие семиотики, науки, способной продемонстрировать специфику языка на фоне всех прочих знаковых систем и в то же время обнаружить инварианты, связывающие язык с родственными знаковыми системами.

Роман Яacobson. Мои любимые темы

ПРЕДИСЛОВИЕ

О пользе семиотики. Эта книга представляет собой учебное пособие по курсам «Общее языкознание» (в некоторых учебных планах этот курс сейчас называется «Теория языка») и «Введение в языкознание» и адресуется студентам филологических и лингвистических специальностей. Определяя язык как одну из знаковых систем, семиотика показывает, в чем он сходен и в чем не сходен с другими средствами передачи информации в природе и обществе. Это сравнение выпукло и пластично раскрывает самые существенные, т. е. «родовые» и главные, черты в содержании и строении естественного языка, его достоинства и границы его возможностей. Сравнение языка с другими семиотиками позволяет увидеть, чем хороши языки животных, в чем преимущества искусственных знаковых систем и коммуникативная сила ритуалов и искусств.

Успех коммуникации во многом зависит от ее семиотического обеспечения — от того, в какой мере удалось выразить нужную информацию в концентрированном знаковом виде — в ритуале, символе, формуле, в географической карте, чертеже, терминологии, лозунге или афоризме, знаке дорожного движения, плакате, симфонии, поэме, кинофильме... Сравнивая возможности разных знаков и знаковых систем, проникая в сознание, семиотика помогает находить не только действенные каналы и средства коммуникации, но и методы информационной защиты от нежелательных воздействий.

Интерес к семиотике у гуманитариев огромный, однако в литературе по семиотике много проблемного, спорного, иногда странного — и не столько из-за недостатка исследований, сколько из-за разнообразия семиотических идей. Это пособие своего рода путеводитель по семиотике; оно познакомит читателя с наиболее значительными результатами семиотического изучения языка и других знаковых систем.

О композиции книги и строении семиотики. В книге пять больших частей. Часть первая («Основные понятия и история семиоти-

ки») вводит читателя в курс дела, однако она не элементарна — в силу фундаментального характера исходных понятий семиотики, а в лекции II по истории семиотики — в силу естественной для историографии, но порой сложной для читателя «документальности» текста. В реальной истории многие семиотические идеи и понятия зарождались в форме более сложной, яркой, масштабной, иногда неожиданной или причудливой, чем то более спокойное изложение, в котором они предстанут спустя десятилетия в учебных руководствах. Однако, думается, читателю было бы интересно, или во всяком случае полезно, хотя бы по ключевым цитатам представить реальный драматизм истории семиотики.

Логика дальнейшего тематического развертывания книги состоит в движении от сравнительно четких классификаций знаковых систем и знаков к их характеристикам, которые строятся с учетом более сложных (чем в таксономиях) и потому менее строгих признаков, таких как содержательные различия между группами семиотик (в характере и объеме передаваемой информации); различия в составе функций, доступных разным классам семиотик; различия в уровне строения знаковых систем. Части вторая, третья и четвертая составляют «ядро» семиотики. Здесь в центре внимания находятся классы, или группы, знаков и знаковых систем, различные по своим именно семиотическим свойствам; в этих разделах книги конкретные семиотики привлекаются как примеры или иллюстрации к семиотическим разделениям и закономерностям.

В пятой части книги («Знаковые системы культуры») центр внимания переносится с системы категорий семиотики (как теоретической дисциплины) на семиотическую практику людей: речь идет о семиотиках религий, поведения, основных классов искусств (как художественных языков человечества) и об искусственных семиотиках (таких как цифры, алфавиты, языки программирования, информационные языки и др.). Лекции пятой части книги составляют «периферию» семиотики: здесь характеристики разных знаковых систем перерастают в семиотические «введения» в теорию или историю тех конкретных видов деятельности, в которых используются данные семиотики. На известной продвинутой степени углубления в предмет исследователь (автор) покидает область «чистой» семиотики и переходит к изложению частного знания. Например, семиотическая характеристика кинематографа становится семиотическим введением в историю или теорию киноискусства (причем введением в такое киноведение, которое ни на минуту не упустит из виду своеобразие именно данного художественного языка); система терминов, трактующих поведение с точки зрения семиотики, становится семиотическим основанием культурологии, этнографии или страноведения; определение се-

миотических начал в организации религии может стать одним из подступов к теории религии или семиотическим введением в историческое религиоведение; характеристики символов и других знаковых средств, используемых в математике или химии, по мере углубления и расширения внимания к семиотическим средствам этих наук перерастают в их теорию или, в случае внимания к диахронии, — в семиотическое введение в их историю. В заключении книги — лекции XX «Тенденции в развитии знаковых систем и перспективы науки о знаках» — семиотика предстает не только как общая теория знаковых систем, но и как существенный аспект их понимания и метод результативных исследований.

Как читать эту книгу? Свободно и по-разному, необязательно с начала. Возможно, кто-то приходит к семиотике из любопытства к тому, как общаются животные. По оглавлению (Содержанию) такой читатель легко найдет нужные ему параграфы, а при необходимости уяснить незнакомые термины откроет и другие части книги; в этом случае полезно обращать внимание на имеющиеся в тексте ссылки к другим лекциям или частям. Студенты или аспиранты читают учебники, следуя программе экзаменов или задачам своих исследований, — тоже необязательно подряд. Таким читателям можно посоветовать вначале как можно более внимательно ознакомиться с оглавлением (Содержанием) книги, а также с указателем терминов семиотики и перечитать предшествующий подраздел предисловия («О композиции книги и строении семиотики»).

В силу недавнего появления семиотики в учебных вузовских программах представляется полезным объединить в одной книге учебное и справочное пособия. Этой цели служит довольно объемная библиография предмета и отчасти аннотированный именной указатель.

В заключение хочу выразить сердечную благодарность рецензентам рукописи Светлане Михайловне Толстой и Сергею Иосифовичу Гиндину за критические замечания, советы и поддержку. Автор признательна также всем, кто помог этой книге увидеть свет.

Часть первая

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИСТОРИЯ СЕМИОТИКИ

Лекция I

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

1. Предмет семиотики. Знаковая природа информации. — 2. Многообразии коммуникативных (информационно-семиотических) процессов в природе и обществе. Границы предметной области семиотики. — Передача информации от человека к человеку. Слова, жесты и парасемиотические явления. — Коммуникация в мире животных. — Биокommunikация на уровне ДНК и генов. — Коммуникация внутри организма или машины. — Мышление как цепочка межкодowych переводов информации. — «Надсознательная» коммуникация групп и сообществ (макрокоммуникация). — Предмет семиотики: знаки, но не содержание сознания. — 3. Назначение и возможности семиотики. — 4. Междисциплинарный характер семиотики и ее место в кругу гуманитарных наук. — 5. Лингвоцентризм семиотики. В чем ценность семиотики для языкознания? — 6. Дефиниция и строение знака. — Формула знака: бинომ или триада? — Варианты терминов, представляющих семиотический треугольник. — Субзнаки: частичные знаки, полузнаки, фигуры, экспоненты. — 7. Явления, сочетающие в себе знаковые и незнаковые (утилитарные) функции

1. Предмет семиотики. Знаковая природа информации.

■ Семиотика (от греч. *seméion* — ‘знак, признак’) изучает знаки и знаковые системы как средства хранения, передачи и переработки информации в человеческом обществе, в природе и в самом человеке. Термин **семиотика** помимо значения ‘наука о знаках и знаковых системах’ метонимически употребляется также в значении ‘знаковая система’ (например, *биологические семиотики, семиотика бессознательного, ритуальная семиотика, семиотика сцены, картографическая семиотика, искусственные семиотики* и т. п.).

Все процессы, связанные с передачей, хранением и переработкой информации в природе и обществе, протекают с использованием знаковых систем или внесистемных (изолированных) знаков, т. е. являются семиотическими. В информационных процессах знаки выступают в качестве элементарных носителей информации, а знаковые системы — в качестве элементарных баз данных (о том или ином фрагменте мира), при этом отдельная

семиотика (отдельная база данных) представляет собой некоторую модель (образ, аналог) соответствующего фрагмента мира, в которой отображены те или иные черты и возможные состояния этого фрагмента. В информационных процессах конкретная семиотика функционирует как моделирующая система, с помощью которой субъект коммуникации моделирует в своем сознании соответствующий фрагмент мира и порождает актуальную информацию об этой действительности.

В порядке иллюстрации рассмотрим информационно-моделирующие возможности двух семиотик: первая — это относительно простая и искусственная (т. е. сознательно созданная людьми) семиотика — система знаков, регулирующих дорожное движение, и вторая — содержательно более богатая и естественно сложившаяся семиотика одного из изобразительных искусств — скульптура.

Несколько десятков дорожных знаков, знаки дорожной разметки, сигналы светофора и сигналы регулировщика в совокупности образуют обобщенную картину современного дорожного движения с выделением тех его аспектов, которые наиболее важны для безопасности участников. Вот только некоторые сведения, представленные в данной семиотике: а) информация об основных видах транспорта, участвующего в дорожном движении (легковые и грузовые автомобили, мотоциклы, велосипеды, трактора, гужевого транспорт, транспортные средства с прицепом, а также допустимые предельные габариты транспортных средств); б) информация об основных видах дорог, по которым осуществляется движение (главная и второстепенная дороги; автомагистраль; дороги с одно- и двусторонним движением; дорога с полосой для транспортных средств общего пользования и др.); в) информация об основных опасных ситуациях в дорожном движении (пешеходный переход, дети, пересечение с велосипедной дорожкой, железнодорожный переезд, обгон, дорожные работы и т. д.); г) информация о водителях (водитель-инвалид, водитель-врач, водитель-ученик, водитель использует ручное управление) и многое другое. Щитки с дорожными знаками, при помощи которых в надлежащих местах оборудуются дороги, разметка определенных участков дороги, сигналы светофора, предупредительные знаки на встречных и попутных транспортных средствах — все это в совокупности сообщает каждому участнику движения информацию, регулирующую его поведение в зависимости от условий движения на конкретном участке дороги.

Семиотика скульптуры, в отличие от живописи и графики, моделирует представления человечества о значительном, характерном, выразительном, непреходящем, может быть, даже вечном в трехмерной и обособленной, внеконтекстной фигуре человека (существенно реже — в фигурах групп людей, еще реже — в фигуре или фигурах животного). Семиотические возможности скульптуры связаны с рядом факторов: а) информативностью выбора прототипов изображения: в большинстве это вожди, цари, герои — в том или ином отношении выдающиеся люди (особенно в памятниках), крайне редко — животные и никогда — то, что в живописи и графике назовут пейзажем и натюрмортом. Для харак-

теристики представлений людей о содержательности объемных антропоморфных изображений много говорит существование символических, аллегорических, обобщенных скульптур (например, атланты и кариатиды; или скульптура «Правосудие» в виде фигуры женщины; монумент «Победа» в виде фигуры воина и т. п.); б) информативностью выбора тех или иных художественно-образительных возможностей, которыми располагает семиотика скульптуры: изображение в полный рост (статуя), бюст или только голова или даже лицевая маска; изображение в натуральную величину, увеличенное или уменьшенное (статуэтка); изображение обобщенное, условное, символическое, романтическое или конкретное, узнаваемое, «реалистическое» и т. д.

Легко видеть, что возможности искусства скульптуры не удастся так же легко обозреть и перечислить, как все значения, представленные в дорожных знаках. Возможности искусства принципиально не ограничены: талантливый скульптор, создавая новое произведение, не только выбирает и соединяет те элементы языка скульптуры, которые существовали до него, но и открывает, вырабатывает новые, тем самым расширяя содержательные возможности данного искусства.

2. Многообразие коммуникативных (информационно-семиотических) процессов в природе и обществе. Границы предметной области семиотики. В обыденном сознании и нетерминологической речи слова *передача информации* понимаются существенно более узко, чем в семиотике и теории коммуникации.

2.1. Передача информации от человека к человеку. Слова, жесты и парасемиотические явления. В общем языке слово *информация* чаще связывают с официальным, служебным, научным, деловым, а если газетным, то «суховатым» и коротким сообщением о каких-то событиях, положении дел в какой-то области жизни. Люди не назовут словом *информация* ни молитву, ни признание в любви или гневные укоры, ни чувства и мысли поэта, ни слова *Привет!* или *Здоров(о)!*, ни рукопожатие при встрече, кивок или улыбку. Между тем с общенаучной и семиотической точек зрения все это — тоже информация.

В устном общении почти всегда присутствует информация, которую собеседник выразил без специальной цели (ненамеренно), очень часто неосознанно (безотчетно), а иногда и вопреки своему желанию (нечаянно, машинально, физиологически, «симптоматически»). Например, человек не хотел обнаружить свою досаду, но собеседник понял это по закушенной губе и помрачневшему взгляду. Другой случай: ваш собеседник, отвечая на случайный вопрос, вдруг краснеет, и вы понимаете, что связанные с вопросом обстоятельства задели человека за живое, что они эмоционально (положительно или отрицательно) значимы для него.

Подобные ситуации, в которых отсутствует намерение передать сообщение или отсутствует определенный адресат сообщения, можно назвать **парасемиотическими**¹, однако они входят в границы семиотики (если их понимать достаточно широко). Широкое понимание семиотики с включением в нее парасемиотических явлений позволяет увидеть источники и предпосылки некоторых типов классических знаков и почувствовать и с т о р и ч н о с т ь мира семиотики. В этой книге всякого рода «пограничные» явления не исключаются из поля зрения, но рассматриваются на правах периферийных.

Информацией является и то содержание, которое священник выражает в литургии, композитор — в музыке, художник — красками на полотне, хореограф — в танце, архитектор — планируя объемно-пространственные структуры будущего здания... Информация — это все, что можно так или иначе сообщить, передать.

Таким образом, все, что люди сообщают друг другу (намеренно или непроизвольно, «машинально») или машинам, — это **информация**. Информация всегда имеет знаковую природу и передается с помощью знаков.

2.2. Коммуникация в мире животных. Однако информационно-семиотические процессы происходят не только в человеческом обществе. Коммуникация животных: пение птиц, мяуканье кошки или крики обезьян; устрашающие позы или, напротив, позы «подставления» (в знак покорности) у многих животных; слизывание пчелами так называемого «маточного вещества» с поверхности тела пчелиной матки; нежные касания самца и самки, особенно у некоторых птиц, или символическая чистка пера друг у друга во время брачных игр; выделение пахучих веществ, чтобы привлечь самку или самца, отметить «свою» территорию или быть опознанным «своими»; «подарки» у некоторых птиц и обезьян во время брачных церемоний и многое другое (см. подробно п. 20—24; 26, 27) — это тоже передача информации, и она также осуществляется с помощью знаков.

В коммуникации животных есть принципиальные отличия от коммуникации людей. Главные из них состоят в том, что в своих

¹ От греч. *para* — ‘возле, мимо, около’. В близком значении иногда употребляются термины *паралингвистические явления*, *паралингвистические средства общения* и *паралингвистика*, а также термин *квазисемиотические явления*. Термин *паралингвистика* охватывает явления, сопровождающие прежде всего речевое (языковое) общение (жесты, мимику, интонацию), в то время как термин *парасемиотика* может относиться также и к неязыковой коммуникации. Термины *квазисемиотический*, *квазизнаки* (от лат. *quasi* — ‘как будто, наподобие, словно; почти, без малого’) нежелательны, потому что префиксоид *квази-* может быть понят как ‘ненастоящий, мнимый’, что чревато недоразумениями среди говорящих (пишущих) о семиотике.

основных проявлениях общение животных протекает инстинктивно, физиологично и вне связи с ориентированием в окружающей среде и развитием условных рефлексов. Однако при всем своеобразии в коммуникации животных имеются черты, свидетельствующие о ее информационно-семиотической природе: животные используют знаки — явления, которые значат больше самих себя, т.е. больше того, что может быть воспринято рецепторами животного. Так, оскал пасти собаки — это не просто вдруг обнажившиеся клыки, но и угроза, и, следовательно, все вместе — это знак, в котором угроза — это информация (значение), а обнаженные клыки — это форма, в которой заключается или передается (выражается) данная информация.

В информационно-семиотических природных процессах, далее, не всегда присутствует намерение (желание, воля, тем более осознаваемая цель) передать информацию. Не всегда имеется и реципиент информации — конкретный адресат сообщения.

В мире животных таковы, в частности, процессы регулирования поведения особей, осуществляемые с помощью **феромонов** (от греч. *pherō* — ‘несу’ и *hormāō* — ‘привожу в движение, возбуждаю’) — химических летучих веществ, которые вырабатываются железами животных и, выделяясь во внешнюю среду, служат средством внутривидовой сигнализации. Феромоны влияют на поведение, иногда на рост и морфологию других особей (например, подавляют или стимулируют развитие яичников у рабочих пчел). Различают половые феромоны (аттрактанты, способствующие встрече самца и самки), возбуждающие, успокаивающие, феромоны сбора, тревоги, следа и др.

Особенно важную роль феромоны играют в жизни насекомых. У общественных насекомых (пчел, муравьев, термитов) феромоны регулируют состав колонии и функции подклассов особей. Известный этолог¹ И. И. Акимушкин назвал феромоны муравьев их «химическим словарем». «Разные пахучие вещества, которые выделяют их экзокринные железы, побуждают рабочих муравьев собираться по тревоге, бежать за добычей, ухаживать за маткой, кормить личинок, перетаскивать коконы. Муравьи и после смерти продолжают некоторое время ‘разговаривать’: их тела выделяют феромоны, поэтому собратья ухаживают за ними как за живыми. Но через день-два начинается разложение, и запахи смерти заставляют рабочих муравьев ‘прозреть’: тут только уносят они мертвых подальше от муравейника»² (Акимушкин 1999, 90).

Однако несмотря на элементарную физиологичность испускания феромонов и отсутствие конкретного адресата (феромон направлен к «социально-половым» группам особей внутри вида — самкам, рабочим пче-

¹ *Этология* (от греч. *ētos* — ‘обычай, нрав, характер’ и *lógos* — ‘слово, учение’) — раздел биологии, изучающий поведение животных в естественных условиях.

² Многие из феромонов идентифицированы, синтезированы и применяются для борьбы с вредными насекомыми (путем заманивания в ловушки, дезориентации в период спаривания и др.).

лам, пчелам «свиты» при матке и т. д.), процесс имеет информационно-знаковую природу: химическое явление (запах) выступает как знак, носитель сообщения и действует как команда, меняя физиологию и/или поведение особей.

2.3. Биокommуникация на уровне ДНК и генов. Глубинные механизмы наследственности также имеют информационно-знаковую природу. Наследственность обусловлена информацией, которая «записана» путем комбинирования трехчленных химических соединений и «прочитывается» (реализуется) формирующимся организмом в процессе становления. Так, в химической оболочке передается «сообщение», которое определяет степень преемственности организма по отношению к предшествующим поколениям в строении, обмене веществ, индивидуальном развитии.

Носителем генетической информации являются полимерные молекулы нуклеиновых кислот (ДНК), входящие в хромосомы клеточного ядра. Наследственность обеспечивается «записью», «сообщением» наследственной информации с помощью своеобразного химического «алфавита». В этом «алфавите» четыре исходных элемента (химических радикала), т. е. четыре «буквы». Четыре элемента комбинируются в трехчленные сочетания («триплеты»); в результате образуются единицы генетического кода (в молекулярной генетике их называют «кодонами»), это вроде генетического «словаря», в котором всего 64 «слова» (поскольку число комбинаций из четырех элементов по три — 64). Две длинные цепочки трехэлементных «слов»-кодонов, закрученные одна вокруг другой в спираль, образуют молекулу ДНК, и это как бы «химический текст» наследственности. Он программирует формирование белков, специфических для данного организма. Структура ДНК точно воспроизводится при делении клеток, что обеспечивает передачу генетической информации новому поколению. Изменения в комбинаторике кодонов приводят к изменениям в организме — мутациям¹.

Бессознательные информационно-семиотические процессы (на основе феромонов и генетического кода) являются особым случаем коммуникации: здесь адресат не может ответить отправителю своим сообщением, т. е. это коммуникация без обратной связи.

2.4. Коммуникация внутри организма или машины. Особый класс информационно-семиотических процессов (которые, впрочем, соответствуют определению понятия «коммуникация») составляют процессы передачи информации внутри отдельного организма или отдельного компьютера. Так, в

¹ О семиотических идеях, вызванных открытием генетического кода, в частности об идеях Р. О. Якобсона, см. в п. 14.

организме имеет место обмен информацией между разными отделами нервной системы (центральной, периферийной, вегетативной; между разными отделами головного мозга); в компьютере — между отдельными «языками», образующими цепочку — иерархию «кодов», по которым «продвигается» (т.е. переводится) информация в ходе компьютерного решения задачи.

2.5. Мышление как цепочка межкодовых переводов информации. Все информационные процессы (порождение и восприятие информации, ее переработка в ходе мышления, т.е. решения тех или иных задач) представляют собой процесс прохождения информации по цепочке — иерархии кодов внутри некоторой системы (мозга, организма, компьютера), между отправителем (-ями) и получателем (-ями) сообщения в конкретном акте коммуникации, т.е. процесс внутримозгового или внутрикомпьютерного перекодирования (перевода) информации.

Концепция порождения высказывания как перевода мысли с «внутреннего» (находящегося внутри сознания) языка на «натуральный» (внешний, этнический) язык и восприятия (понимания) речи как «перевода с натурального языка на внутренний» была разработана Н. И. Жинкиным в начале 1960-х гг. (Жинкин [1964] 1998). По мысли Жинкина, внутренний язык является «двухзвенным»: его первое звено составляет субъективный (т.е. принадлежащий конкретному субъекту восприятия речи — реципиенту) «предметно-схемный» («предметно-изобразительный») код, с помощью которого реципиент «переводит» слышимое или читаемое сообщение (на «натуральном» языке) в схематическое представление ситуации (о которой идет речь), образованное знаками своего собственного предметно-изобразительного кода (в виде мысленной «картинки», «схемы», «чертежа» ситуации). Второе звено внутреннего языка составляют его автоматизированные коды: «речедвигательный» и сформированные на его основе «звуковой» и «буквенный» коды, а также метаязыковой (контролирующий) код. (Подробнее см. в п. 15.3.) Ср. также понятие «языки мозга» К. Прибрама (см.: Прибрам 1975).

2.6. «Надсознательная» коммуникация групп и сообществ (макрокоммуникация). Концепцию, согласно которой социальная организация человеческих сообществ имеет коммуникативную природу, выдвинул выдающийся антрополог XX в. Клод Леви-Строс. Идеи Леви-Строса поддержал Р. О. Якобсон. Изучая формы организации архаических социумов (сохранявших племенной уклад и примитивное хозяйство), Леви-Строс пришел к выводу о том, что взаимодействие соседних племен и их информирование о себе друг друга происходят путем обмена женщинами (через брачные установления), материальными благами, услугами. Согласно Леви-Стросу существует принципиальное («матричное») структурное сходство между языком, искусствами и типами культур.

В дискуссии «Жизнь и язык» на французском телевидении (1968) Леви-Строс следующим образом представлял свою концепцию: «Социальные феномены, человеческие сообщества все больше и больше представляются нам как огромные машины обмена информацией. Имеем ли мы дело с обменом женщинами между разными социальными группами через брачные запреты и предпочтения, или с обменом материальными ценностями и услугами в области экономической, или с обменов речевыми сообщениями, или с любыми другими операциями, предполагающими участие языка. <...> ... так вот, все чаще и чаще мы заинтересованы рассматривать все социальные феномены как феномены коммуникации. Но я пойду еще дальше, сказав, что и целые человеческие сообщества, не зная о том, общаются друг с другом, так как каждое сообщество находит пути выражения, свойственные его манере и собственному языку, при помощи выбора, который оно сделало между всеми возможными верованиями, обычаями и институтами; каждое другое сообщество выражается совершенно по-другому, другими способами. Вплоть до того, что все, что касается человеческой жизни от ее самых скрытых биологических основ до ее наиболее громоздких и показных проявлений, кажется нам зависящим от коммуникации»¹. (Подробно о семиотических идеях Леви-Строса см. в п. 16.1.)

Современная теория коммуникации, стремясь понять подлинную роль «информационной составляющей» в разные периоды истории, вводит понятие **макрокоммуникации**, субъектами которой являются массовые совокупности людей и которая осуществляется как взаимодействие (диалог или полилог) культур (Соколов 2002, 55). Макрокоммуникация происходит в формах заимствования достижений другой культуры (или культур) в сферах технологий и наук, коммуникаций, искусств, управления, образования, организации быта и др. Как и в межплеменных контактах, подчиненных брачным регламентациям (о которых писал Леви-Строс), межкультурная макрокоммуникация, складываясь из массы отдельных вполне осознанных действий и поступков конкретных людей, в итоге может приводить к крупным и никем не планируемым (и в этом смысле «на адсоznательным») последствиям. Например, человек привез сыну из-за границы игрушку, которая неожиданно подсказала пришедшему в гости инженеру решение технической задачи, занимавшей его целый день.

В случае одностороннего движения информационных потоков их результаты приводят к экспансии той или иной культуры в новые регионы. В древности такие процессы обычно бывали связаны с этноязыковой, иногда также и религиозной экспансией (на-

¹ Стенограмма дискуссии, в которой участвовал также и Р.О.Якобсон, в русском переводе опубликована под заглавием «Жить и говорить» в книге: *Якобсон Р. Язык и бессознательное.* — М., 1996. — С. 199—222. Приведенную цитату см. на с. 214, 215.

пример, эллинизация северо-восточной Африки, арабизация Испании и др.). В современном мире к культурной экспансии (вестернизации, американизации, китаизации и т.п.) ведут перемещения не столько людей, сколько информации. Процессы такого рода в конкретных случаях могут оцениваться отрицательно (как культурный империализм, информационная агрессия, информационная экспансия и т.п.).

2.7. Предмет семиотики: знаки, но не содержание сознания. Таким образом, процессы коммуникации неоднородны: наряду с ее классическими видами (находящимися в светлом поле сознания и характеризующимися наличием адресата и адресанта, намерением передать информацию, а также наличием обратной связи) бывают бессознательные коммуникативные процессы, которые происходят независимо от намерения и сознания адресанта (человека или животного). Существуют также процессы коммуникации внутри организма, а также внутри естественного или искусственного интеллекта; наконец, бывают процессы «надсознательной» коммуникации, принадлежащие уровню групп и обществ и изучаемые в антропологии и социологии. Знаковые аспекты всех видов коммуникации составляют предмет семиотики.

Однако в предмет семиотики входит отнюдь не содержание процессов коммуникации, но только их знаковое воплощение, т.е. закономерности *семиозиса* (означивания, знакового представления информации и использования знаков) во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы.

В «Эпilogue» к своим «Очеркам по предыстории и истории семиотики» Вяч. Вс. Иванов, подчеркивая необходимость семиотики для теории познания, вместе с тем вполне определенно, терминологически, разделил сферу знаков и сферу сознания: «Задача семиотики — описывать семиосферу, без которой немислима ноосфера»¹ (Иванов 1998, 791).

3. Назначение и возможности семиотики. Разнообразие информационно-семиотических процессов, знаков и знаковых систем в природе и обществе так велико, что его не в силах вместить семиотические энциклопедии, атласы и словари (ср.: Похлебкин 1995; Бидерманн 1996; Шейнина 2002). Появились спе-

¹ Понятие *ноосферы* (от греч. *noós* 'разум' и *sphària* 'шар') как «мыслящей» оболочки Земли, надстроенной над ее биосферой, ввел французский ученый Эдуард Леруа (1927); в работах Пьера Тейяра де Шардена, В.И. Вернадского, А.А. Любищева ноосфера трактуется как новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития.

циализированные издания по семиотике — энциклопедии символов отдельных культур и народов, отдельных эпох, религиозных традиций и искусств, отдельных классов знаков (например, книги по геральдике, альбомы товарных знаков или знаков воинских различий). Словари и альбомы знаков интересны сами по себе — в не меньшей мере, чем книги по изобразительному искусству, кино, театру, иллюстрированные рок-энциклопедии... Однако в каком отношении может быть интересна и полезна теоретическая книга по семиотике, особенно если в ней нет цветных картинок и систематизированных сведений по истории символов? В чем назначение семиотики?

А. Увидеть семиотическое единство информационных процессов. Семиотика открывает единую знаковую (заместительную) основу информационных процессов в природе и обществе. Семиотика показывает онтологическое единство любых информационных процессов, обусловленное использованием в них знаков (т.е. заместителей вещей, признаков, действий и представлений, понятий, идей).

Б. Понять своеобразие конкретных семиотик. Исследование знаков и знаковых систем помогает понять материал, в котором осуществляются разные виды общения и познания. Семиотика помогает осмыслить закономерности познания и общения, обусловленные семиотической природой этих процессов, — как их общие (универсальные семиотические) черты, так и своеобразие процессов, протекающих в конкретных семиотиках. Между тем закономерности общения и познания — это предметы прежде всего теории коммуникации, социальной психологии и наук о познании (гносеологии, когнитологии, эпистемологии). В чем, в таком случае, продуктивность семиотического подхода к коммуникации и познанию — подхода, который не может не быть достаточно общим и абстрактным, как бы с высоты птичьего полета? При таком взгляде открываются рельефные картины отдельных семиотик (языка людей, языков животных, языков искусств, этикета, языков ЭВМ и т.д.) в целом, в главном; становятся видны магистральные линии в развитии коммуникации и познания человечества; становится возможным в какой-то мере видеть перспективы этого развития.

В. «Взвесить» семиотическую компоненту индивида или общества. Семиотические характеристики человека и социума обладают высокой социально-психологической эвристичностью. Семиотика позволяет охарактеризовать информационно-семиотическую компоненту в структуре конкретной личности и в структуре конкретного социума. Между тем значимость семиотической компоненты для характеристики и человека, и социума трудно переоценить. Люди различаются между собой тем, сколько семиотик

доступно конкретному человеку, сколько он знает этнических языков, на скольких языках умеет читать и писать, разберется ли в топографическом плане или карте дорог, понимает ли нотную грамоту, может ли представить себе механизм по трем чертежным проекциям, владеет ли юридическим языком (например, способен ли самостоятельно понять суть и важные детали закона).

Аналогичным образом и для характеристик общества важно количество и состав семиотик, которые в нем используются; существенны, кроме того, густота и надежность каналов распространения информации. Информационно-семиотическая насыщенность и оснащенность общества может служить достаточно надежным суммарным показателем уровня его цивилизационного развития, аналогичным таким традиционным критериям благополучия, как количество электроэнергии, вырабатываемой на душу населения, или средняя продолжительность жизни.

Г. Улучшить логику и расширить кругозор гуманитарных исследований. Занятия семиотикой повышают логическую культуру. Присущий семиотике взгляд на гуманитарные объекты с высоты «птичьего полета» — несколько абстрагирующий и дискретный (разделяющий «пограничные» и «переходные» зоны) — в свое время был естественной предпосылкой популярности структурных методов в гуманитарном знании. Долгое время структурализм и семиотика шли рука об руку, так что в 50—70-е гг. XX в. многим казалось, что по большому счету это одна методология — структурно-семиотическая¹. Семиотический подход, таким образом, способствовал использованию в гуманитарных науках наиболее точных и результативных (в гуманитаристике) методов — структурных, что в свое время было сильным позитивным фактором в развитии знания. Однако по мере утраты структурализмом своих командных высот (особенно в лингвистике) семиотика переставала ассоциироваться только со структурализмом. Тем не менее семиотика по-прежнему укрепляет в гуманитарных исследованиях логику и методичность.

4. Междисциплинарный характер семиотики и ее место в кругу гуманитарных наук. Основы семиотики закладывались в трудах философов и логиков классической древности (V в. до н.э.), которые, впрочем, сами не отделяли себя от

¹ Ср. характерный симбиоз в издательских решениях тех лет: книга Ю. М. Лотмана «Структура художественного текста» (М., 1970) вышла в издательской серии «Семиотические исследования по теории искусства»; русский перевод работы Ролана Барта «Основы семиологии» (1964) был напечатан в сборнике «Структурализм: “за” и “против”» (М., 1972); см. также классические работы по структурной поэтике (В. Я. Проппа, Р. О. Якобсона, Цветана Тодорова, А. А. Реформатского, Клода Леви-Строса и др.) в антологии (см.: Семиотика 1983).

геометрии, грамматики, риторики. По стилю мышления и по семиотическому объекту «№ 1» — естественному языку — семиотика ближе всего лингвистам. В антологиях и обзорах современной семиотики к ее классикам относят философов, логиков, математиков (Чарлз С. Пирс, Чарлз У. Моррис, Умберто Эко), психологов (Жан Пиаже, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин), литературоведов (М. М. Бахтин, Ролан Барт, Ю. М. Лотман, Цветан Тодоров), антропологов и этнологов (Бронислав Малиновский, Клод Леви-Строс, Виктор Тэрнер), фольклористов (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Г. Л. Пермяков), лингвистов (Фердинанд де Соссюр, Роман Jakobson, Вяч. Вс. Иванов, Б. А. Успенский), историков религий, культуры и искусств (П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, Мишель Фуко, А. М. Пятигорский), режиссеров театра и кино (В. Э. Мейерхольд, С. М. Эйзенштейн, Пьер Паоло Пазолини), романистов и эссеистов (Хорхе Луис Борхес, Умберто Эко, который, впрочем, не только романист, но и философ и искусствовед) (см.: Семиотика 1983; Иванов 1976; Почепцов 1998; Почепцов 2001; см. лекцию II в этой книге).

Еще более разнообразна «цеховая принадлежность» работ, в которых были высказаны важные для семиотики идеи (впрочем, часто не в традиционных для семиотики терминах), обоснованы или продемонстрированы семиотические подходы к изучению различных гуманитарных объектов. Авторов, которых можно было представить в качестве «чистых семиотиков», «только семиотиков» или даже «в первую очередь семиотиков», по-видимому, пока нет или мало. Иногда ценной для семиотики признается «просто хорошая» гуманитарная работа — в которой есть глубина, ум и кругозор. «Глубина» — это умение увидеть ненаблюдаемое и внутреннее — то, что определяет видимое; «ум» — это логика и методичность исследования; «кругозор» — способность увидеть аналогии и параллели, а также факторы влияния за пределами «своего» объекта исследования. Но именно этому и учит семиотика.

Ни один эмпирический объект не принадлежит «только» семиотике и «в первую очередь» семиотике: язык изучается в первую очередь лингвистикой, языки животных — зоопсихологией и этологией, языки программирования — информатикой, ритуалы — антропологией и религиоведением, язык географической карты — картографией (в теории картографических проекций и способов отображения объектов картографирования), языки сцены, кино, изобразительного искусства — соответствующими разделами искусствознания и т. д.

Что, в таком случае, привносит в понимание конкретного «языка» его семиотический анализ, дополнительный и хронологически более поздний? То, чего нет ни в одной конкретной науке порознь: в о-п-е р-в-ы-х, общую концепцию, которая в любой от-

дельной семиотике видит коммуникативную систему с моделирующими и порождающими возможностями, а также принимает во внимание знаковую (заместительную) природу тех единиц (тех «кирпичиков»), из которых строится данная система; во-вторых, семиотика предлагает гуманитарному знанию результативный общий метод исследования разных систем; в-третьих, сопоставление разных знаковых систем позволяет лучше понять своеобразие каждой отдельной семиотики, подобно тому как своеобразие конкретного этнического языка в полной мере может быть выявлено и осознано только при его сопоставлении с другими языками (как родственными, так и неродственными). Наконец, на путях семиотики благодаря присущему ей абстрагирующему видению своих объектов удастся выявить не просто те или иные «особенности» отдельных систем, но самые существенные черты их строения и содержания (см. об этом в лекциях XII и XIII).

В общий «план» гуманитарного знания семиотика входит в качестве крупного блока в составе теоретико-методологического основания конкретных гуманитарных наук (табл. 1). В XX в. постепенно вырабатывается теория самой семиотики, ее категориальный аппарат и собственная методология, не только структурная. Тем не менее пока семиотические исследования довольно разнообразны. Свообразие отдельных классов семиотик настолько влияет на методы и содержание исследований, что у разных знаковых систем во многом «своя» семиотическая теория, при этом «вертикальные» связи частных семиотик (например, семиотики языка или семиотики религии) со «своими» дисциплинами (в данных примерах — с лингвистикой и религиоведением) оказываются более сильными, чем их «горизонтальные» связи (т. е. связи между семиотикой языка и семиотикой религии). Поэтому совокупность частных семиотик не всегда мыслится как единая («цельная») наука; в 1960-х годах ее определяли не как «самостоятельную» науку, но как «исследовательскую область» или как «комплекс научных теорий, изучающих свойства знаковых систем» (Философская энциклопедия: В 5 т. — Т. IV. — М., 1967). Ср. «переходное» определение семиотики в «Философском энциклопедическом словаре» (1983) в качестве «общей теории (или комплекса научных теорий), исследующей свойства знаковых систем». Однако философские справочники 1990—2001 гг. определяют семиотику уже как отдельную науку: «Семиотика... — научная дисциплина, изучающая производство, строение и функционирование различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию» (ВЭФ 2001, 913).

Помимо своего основного теоретико-методологического значения для всего гуманитарного знания семиотика важна в каче-

Место семиотики в кругу гуманитарных наук

Гуманитарное знание									
Исследования гуманитарных объектов (современного состояния и истории)	Зоопсихология, этология	Социальная психология, этнография, этика, исследование массовой коммуникации	Психология личности и межличностных отношений, антропология, этнология	Лингвистика (теория языка; общее и частное синхроническое и диахроническое языкознание)	Теория и история искусств, включая теорию и историю литературы; эстетика	Религиоведение	Когнитивные науки, лингво-семиотические аспекты автоматической переработки информации	Конкретные гуманитарные исследования (современного состояния и его истории)	Конкретные гуманитарные исследования (современного состояния и его истории)
Теоретико-методологические основания исследований	(1) Семиотика							(2) Философия, теория познания, логика	(3) Психологика (фрейдизм, юнгианство и др.)
	Семиотика биологической коммуникации	Семиотика социальной коммуникации и управления	Семиотика поведения и социальной репрезентации	Семиотика языка	Семиотика искусства	Семиотика религии	Семиотические аспекты познания и представления знаний		
	Теория (категории и методы) семиотики								

Пояснения. В таблице представлены только 3 типа теоретико-методологических оснований гуманитарных исследований, хотя их может быть больше (например, некоторая религиозная доктрина или теория эволюции). Представленные типы имеют (в скобках) указатели 1, 2 и 3, при этом внутренняя структура областей 2 и 3 не детализируется.

стве объединяющей теоретической науки для ряда вспомогательных исторических дисциплин — таких как нумизматика (история монетной чеканки и обращения монет и денежных слитков), сфрагистика (история печатей; от греч. *sphragis* — ‘печать, перстень с печатью’), геральдика (история гербов; ранее, с XIII в., составление дворянских, цеховых и земельных гербов), эмблематика (изучение символов и знаков принадлежности, собственности и т. п., исключая гербы и печати, например, знаков родов войск, воинских различий, фирменных и товарных знаков, логотипов и т. п.), фалеристика¹ (история орденов, медалей, металлических знаков отличия). Реалии, изучаемые названными дисциплинами, объединяет то, что все они являются знаками, т. е. носителями некоторых значений, замещенных условными изображениями. Семиотические исследования символики и эмблематики, представляя самодостаточный интерес, ценны также для культурологии, истории искусств, психологии: они приближают к пониманию не только культуры отдельных народов, но и эстетических универсалий и психологических констант человечества.

5. Лингвоцентризм семиотики. В чем ценность семиотики для языкознания? Семиотика, будучи одной из общих теорий разных гуманитарных объектов, находится в особо тесных отношениях с лингвистикой². Это связано с особым статусом языка среди других знаковых систем: по Соссюру, язык — «наиважнейшая из этих систем» (Соссюр [1916] 1977). Луи Ельмслев, основатель и глава копенгагенской школы структурной лингвистики, видел уникальность языка в том, что «практически язык является семиотикой, в которую могут быть переведены все другие семиотики — как все другие языки, так и все другие мыслимые семиотические структуры. <...> Данное свойство языка обусловлено неограниченной возможностью образования знаков и очень свободными правилами образования единиц большей протяженности (предложения и т. д.)» (Ельмслев [1942] 1999, 231).

Некоторые семиотики способны выразить более сложное (более «глубокое» или «богатое») содержание, чем язык «сам по себе» (т. е. в наборе значений своей лексики и грамматики), — таковы литература, искусства, религии (см. об этом подробно в п. 81 — 91). При этом назначение религии, литературы, искусств не исчер-

¹ *Фалеристика* — от лат. *falerae, phalerae* — ‘металлические украшения, служившие воинскими знаками отличия’; восходит к греч. *phalara* — ‘металлические бляхи на шлеме, на узде (для защиты или украшения)’; ‘украшения, побрякушки’ (от *pha* — ‘светлый, блестящий, белый’). Фалеристикой называют также коллекционирование орденов, медалей, значков, нагрудных знаков и др.

² Характерно объединение двух дисциплин в некоторых словарях и руководствах (см.: Соломоник 1995; Баранов и др. 2001).

пывается их семиотической функцией; их незнаковые аспекты (формирование в сознании реципиента той или иной общей концепции человека и мира; воспитание реципиента (т. е. внедрение в сознание человека этических норм); утешение; развлечение и др.) весомее, богаче их семиотики (их формы сообщения и способа существования).

В отличие от названных, более содержательных, семиотик, язык является семиотикой по преимуществу, «чистой» семиотикой, как бы общесемиотической моделью разных «устройств», предназначенных для сообщения информации. Неслучайно искусствоведы, затрагивая художественные средства того или иного искусства — а это и есть семиотический аспект искусствознания, — начинают говорить о «языке» соответствующего искусства¹. Привычность подобных «лингвистических метафор» говорит о семиотическом видении искусства, а может быть, и о том, что принципы анализа поэтики разных искусств во многом «подсказаны» семиотическим эталоном — языком.

Онтология языка может быть понята в наибольшей мере на основе именно знаковой теории, потому что в языке нет незначительных, утилитарных функций. Вот почему семиотика так важна для языкознания.

Знаковая теория языка (лингвесемиотика) позволяет увидеть наиболее существенные черты языка — как в содержательно-функциональном плане, так и в строении языка (см. часть четвертую). Опираясь на типологию знаковых систем, лингвесемиотика очерчивает место языка среди природных и социальных семиотик (см. п. 142). Она обладает большими возможностями как в объяснении природы языка, так и в плане эвристики (открытия нового знания о своем объекте). Важно при этом, что знаковая теория языка не является альтернативой по отношению к другим концепциям. В корпусе знаний о языке у лингвесемиотики своя ниша — она изучает те свойства языка, которые выявляются при сопоставлении языка с другими семиотиками. Это существенные свойства, приоритетные для онтологии языка, однако исследования такого рода не создают особых методов описания фонологии, грамматики и лексики, т. е. не развиваются в специ-

¹ Ср. обычность слова *язык* (и его переводных соответствий) в названиях работ по поэтике искусств: *Мартен М.* Язык кино. — М., 1959; *Лоусон Дж. Г.* Фильм — творческий процесс, или Язык и структура фильма. — М., 1965; *Жегин Л. Ф.* Язык живописного произведения (Условность древнего искусства). — М., 1970; *Metz Chr.* Film language: a semiotics of the cinema. — Indiana University Press, 1974; *Соболев Р. П.* Что такое язык кино? — М., 1983; *Сарджент У.* Джаз. Генезис. Музыкальный язык. Эстетика. — М., 1987. Ср. также заглавия семиотических разделов в «Эстетике» Ю. Б. Борева (М., 1988): «Искусство как язык», «Многоязычие художественной деятельности».

альную методологию. Поэтому семиотика не конкурирует с другими лингвистическими концепциями и методологиями, а мирно с ними сосуществует.

С точки зрения логики представления знания семиотический подход к конкретной знаковой системе соответствует этапу логического определения объекта, которое в классическом случае (*definitio per genus proximum et differentiam specificam* ‘определение через ближайший род и видовое отличие’) предполагает отыскание ближайшего рода для определяемого объекта и отличительных признаков, имеющих только у данного объекта. Ближайший род для понятия «естественный язык» — это «семиотические системы»; видовые отличия — это те признаки, которыми «естественный язык» отличается от других «семиотических систем» — языка животных, языка жестов и мимики, языков искусств, языков программирования и т. д. Таким образом, знаковая теория языка выступает как его «макроопределение» или как семиотическое введение в теорию языка.

В истории языкознания XX в. наблюдается упрочение и дальнейшее развитие семиотических представлений о языке. Ср. характерные различия между двумя редакциями статьи «Знаковая теория языка» в двух изданиях (разделенных сроком чуть более 20 лет) авторитетной энциклопедии (см. ниже)¹.

Две характеристики понятия «знаковая теория языка»

Знаковая теория языка — принятая в структурной лингвистике концепция, рассматривающая язык как одну из знаковых систем. Исследует свойства единиц языка и правила их сочетания в аспекте их знаковой природы. Основатель знаковой теории языка — Ф. де Соссюр (Советский энциклопедический словарь. — М., 1979. — С. 470)

Знаковые теории языка — совокупность теоретических положений (идей, гипотез) о строении языка, рассматриваемого как система знаков (см. *Знак языковой*). Понятие знака восходит к стоикам, определение знака как единства звуков и значения прошло через всю средневековую философию; большой вклад в разработку знаковой теории языка внес В. Гумбольдт. Существенное влияние на формирование знаковой теории языка оказала *семиотика* (Российский энциклопедический словарь: В 2 т. — Т. 1. — М., 2000. — С. 545).

Из значимых для динамики лингвосемиотики изменений отметим следующие: 1) речь стала вестись не об одной, а о нескольких знаковых теориях языка, т. е. отмечается и распространенность семиотических пред-

¹ Новая редакция опирается на статью А. А. Уфимцевой «Знаковые теории языка» в ЛЭС 1990.

ставлений, и их вариативность; 2) знаковая теория языка больше не ограничивается рамками структурализма; 3) предмет лингвосемиотики представлен как более широкий и значительный: вместо «исследует свойства единиц языка и правила их сочетания» стало «[исследует] строение языка»; 4) история лингвосемиотики «удлинилась», т. е. обогатилась более чем на два тысячелетия, в том числе философской мыслью Средних веков; 5) в новой редакции вместо знаменитой, но для многих дискуссионной фигуры зачинателя структурализма Фердинанда де Соссюра семиотику связывают с именем Вильгельма фон Гумбольдта — величайшего и общепризнанного авторитета, родоначальника теоретического языкознания Нового времени, лингвистической типологии и философии языка.

6. Дефиниция и строение знака. Со времен стоиков (III—II вв. до н. э.) все определения знака указывают на его двусторонний — материально-идеальный — характер. **Знак** (лат. *signum*) — это материальный, чувственно воспринимаемый предмет (вещь, явление, действие, признак), выступающий в качестве представителя (заместителя, репрезентанта) другого предмета, свойства или отношения и используемый для получения, хранения, переработки и передачи информации. Каждый **знак** имеет, во-первых, материальную сторону — это его *означающее* (лат. *signans*), или *план выражения*¹, и, во-вторых, идеальную сторону — это значение знака, или содержание, в терминах семиотики — *означаемое* (лат. *signatum*), или *план содержания*. Древнегреческие прототипы терминов *знак*, *означающее* и *означаемое* впервые появляются у ранних стоиков (III в. до н. э.) в сочинениях по «логике», которую они понимали как учение о речи (см.: Античные теории 1936, 26).

Термины *план выражения* и *план содержания* могут показаться перифразой древнейшей философской оппозиции «форма и содержание». Действительно, если иметь в виду такую единицу языка, как слово, по отношению к которому традиционно говорят о *звуковой оболочке*, о *грамматической форме* и о значении как о *содержании слова*, то может показаться, что термины *план выражения* и *план содержания* слова ничего не добавляют к уже имеющимся представлениям о диалектике формы и содержания в языке. Однако в семиотической оппозиции «план выражения — план содержания» в центре внимания оказываются не взаимозависимости и корреляции формы и содержания, но их асимметрия, иногда разномасштабность. План выражения — это отнюдь не всегда «оболочка» или «вместилище» содержания, часто это просто «метка», «ярлычок», «репрезентативная малость», пусть сверну-

¹ В когнитивной лингвистике для «означающего» появился выразительный термин *тело знака* (см.: Кубрякова и др. 1996, 55), подчеркивающий материальность носителя значения.

тая и концентрированная, однако в сопоставлении с означаемым, с тем, на что указывает метка, — это всегда «малость» (ср. означающее и означаемое в государственном флаге и гербе; ср. богатство содержания географической карты или чертежа, с одной стороны, и принципиальную «экономность», «схемность» представления соответствующего содержания средствами названных семиотик, — с другой). С точки зрения «техники» и «экономики» информационно-семиотических процессов обязательная и сущностная «экономность» знака, т.е. способность выразить или репрезентировать «большое» через «малое», — это его ценное свойство.

6.1. Формула знака: бинот или триада? Тезис о материально-идеальном характере знака требует пояснения. Значением (содержанием) любого знака является не «замещаемый» предмет, а представление о нем. Например, в дорожном знаке «Дети» его материальная оболочка — это силуэт двух бегущих детей, помещенный в треугольнике с красной обводкой, а его содержание (значение) — это не реальные конкретные дети, а представление о том, что на этом участке дороги часто появляются дети. По отношению к реальным ситуациям (о которых предупреждает данный знак) его значение представляет собой обобщение и абстракцию: ведь реально дети могут не обязательно бежать, а идти или играть; не такими, как «на картинке», могут быть их количество, а также пол, возраст и т.д.

Нематериальность содержания знака видели уже стоики эллинистической поры, когда определяли означающее как «воспринимаемое» (*aisthēton*), а означаемое — не как «вещь», но как «понимаемое, осознаваемое» (*noēton*). Поэтому, несмотря на бинарность знака, его сущностной графической формулой в семиотике стал треугольник (схема 1).

Легко видеть, что к этой триаде восходят и «логический треугольник» выдающегося немецкого логика Готлоба Фреге (в его работах конца XIX в.) — графический образ, разводящий и объединяющий «денотат — концепт — знак», и «семантический треугольник» «слово — понятие — вещь» (восходящий к работе «Значение значения» (1923) американских семасиологов Ч.Огдена и А.Ричардса).

Схема 1

6.2. Варианты терминов, представляющих семиотический треугольник. Понимание сущностей, образующих семиотический треугольник, вариативно в разных научных школах. Лингвисты отошли от понимания означающего как чисто материальной «формы». У Соссюра означающее предстает как психический (т. е. идеальный) феномен — это «акустический образ, психический отпечаток звучания» (Соссюр [1916], 1977, 99). К сфере означающего иногда также относят *внутреннюю форму слова* («способ представления значения в слове», по классическому определению В.В. Виноградова) (см.: Виноградов 1947, 17), т. е. явление семантической структуры названия, именно его мотивированности.

У логиков по сути близкий феномен был обозначен термином *смысл*, иногда *десигнат*¹, иногда *концепт*² и рассматривался как ядерный компонент означаемого. Так, в концепции имени, разработанной Г. Фреге, *денотат*³ имени *Аристотель* — это его отношение к знаменитому философу, а *смысл* имени *Аристотель* заключается в значении ученик Платона и учитель Александра Великого (см.: Фреге [1892] 1997, 354). Оппозиции «денотат — смысл» у Фреге в аналитической философии Р. Карнапа и К. Льюиса соответствуют термины *экстенционал*⁴ «область предметной приложимости для слова и логической валентности для суждения», *интенционал*⁵ «качества или свойства, составляющие внутреннее содержание слова или термина, его сигнификацию» (Ахманова 1966, 179). См. также разбор лингвистических модификаций триады «слово — понятие — вещь» в книге И. М. Кобозевой (см.: Кобозева 2000, 43—49).

В итоге понимание и формы, и содержания знака было существенно углублено; были увидены их неэлементарность и внутренняя структурированность. Однако открытая стойками триада «означающее — означаемое — вещь» сохраняется как логико-семиотический и н в а р и а н т поисков или как ось координат единой системы. См. таблицу 2, показывающую соотносительность довольно пестрой терминологии.

¹ *Десигнат* — от лат. *designatio* «обозначение, указание, назначение»; в логике термин используется в двух антонимичных значениях — и как «денотат», и как «концепт», или «смысл».

² *Концепт* (от лат. *conceptio* «соединение, совокупность») в логике — смысл понятия; в когнитивной лингвистике — «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, ...всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова и др. 1996, 90).

³ *Денотат* — от лат. *denotatus* «обозначение, обозначенный»; в логике — объект, обозначением которого является данное имя.

⁴ *Экстенционал* — от лат. *extensio* «распространение; протяжение, пространство»; в логике — область приложения или референции имени (некоторого понятия).

⁵ *Интенционал* — от лат. *intentio* «напряжение, усилие»; в логике — смысл имени (термина), называющего понятие.

Триада «означающее — означаемое — вещь» и варианты ее представления

	Три класса явлений, взаимоотношения которых образуют знак		
Метатерминологические инвариантные перифразы	а) чувственно воспринимаемая форма знака (звуки, буквы, изображения)	б) принадлежащее сознанию человека представление (понятие) о предмете	с) материальный предмет внешнего мира (с которым соотносится знак)
Школы и концепции	Терминологические варианты представления триады «знак — понятие — вещь»		
Стоики (III—I вв. до н. э.)	означающее	означаемое	вещь
Концепция Г. Фреге (1892)	термин, имя, выражение	смысл (das Sinn)	денотат (die Bedeutung), вещь
Ф. де Соссюр (1916)	означающее как название и как акустический образ	понятие	вещь
Лингвистическая семантика	слово, лексема в чисто формальном аспекте — как оболочка, создаваемая средствами плана выражения языка; слово, лексема в аспекте своей внутренней формы; десигнатор	понятие, представление, лексическое значение, денотат (в отличие от значения, создаваемого внутренней формой слова); десигнатор; интенционал ('смысловое ядро значения'); экстенционал ('периферия + ядро значения')	вещь
Логическая семантика	имя, слово, выражение, пропозиция	сигнификат	денотат
		значение, смысл, концепт, сигнификат	референт
		интенционал	экстенционал
		десигнат	денотат
		концепт, концепт денотата	денотат

6.3. Субзнаки: частичные знаки, полужнаки, фигуры, экспоненты. Из определения знака (см. пп. 6.1) следует, что он обязательно соотносится с тем или иным представлением о внешнем мире. Однако в структуре знаков (языковых и неязыковых) есть элементы, не обладающие такой соотносительностью. В языке это, во-первых, все незначащие единицы: дифференциальные признаки фонем, сами фонемы и буквы (графемы); во-вторых, это значащие, но несамостоятельные единицы — морфемы (именно морфемы иногда определяют в качестве *полужнаков*, *предзнаков* или *частичных знаков*).

К языковым субзнакам следует отнести также *знаки препинания*. С точки зрения семиотики, это не знаки: они не «представляют» (не замещают, не репрезентируют) какой-либо предмет или отношение. Их назначение в том, чтобы обозначить формально-грамматическое, смысловое и интонационное членения речи. Однако эти функции знаков препинания могут быть восприняты только в контексте письма.

В качестве примера субзнаковых явлений в неязыковой семиотике можно указать на различия в геометрии щитов с изображением того или иного дорожного знака: предупреждающие знаки вписаны в треугольник, запрещающие — в окружность, информационно-указательные — в прямоугольник. Ср. также несамостоятельность и неотделимость от всего знака отдельных элементов погон: погоны полковника отличаются от погон старшего лейтенанта не только величиной звездочек, но и числом «просветов». В музыке (а это одна из семиотик, более сложных, чем язык) уровню субзнаковых явлений принадлежат музыкальные звуки и созвучия; значащая единица музыкального языка, сопоставимая со словом, — это мотив (см. п. 118).

Субзнаковые компоненты знаков — это не только «стройматериал» знаков, но и различители значений.

Так, формальное различие между двумя словами может состоять в одном дифференциальном признаке, ср. фонемный состав рус. <нит'> (глагол *нить*) и <н'ит'> (существительное *нить*): различие между этими словами всего лишь в палатализованности носового согласного во втором слове; ср. также *мол* и *моль*, *пить* и *бить*, *папа* и *баба*, *мама* и *баба*, *мел* и *мил* и подобные отнюдь не редкие пары слов, чьи фонологические облоочки отличаются не фонемой, но всего одним дифференциальным признаком фонемы.

Аналогичные явления есть и на письме. Например, словенские слова *cer* 'дуб' и *čer* 'риф, острый подводный камень' на письме различаются только диакритическим надстрочным значком — «гачеком»; в рукописи русские слова *пир* и *тир* отличаются всего одной «палочкой», для которой даже нет названия; английские слова *POPE* 'римский папа; священник' и *ROPE* 'канат, веревка' или *ROOT* 'корень' и *BOOT* 'ботинок',

напечатанные заглавными буквами, также различаются всего лишь элементами букв.

Подобные несамостоятельные знаковые элементы, необходимые для дифференциации знаков, тоже называют субзнаками, или частичными знаками, иногда — *экспонентами* (т. е. ‘показателями’) или, вслед за Л. Ельмслевым, — *фигурами*.

Впрочем, согласно более радикальной точке зрения Р. О. Jakobsona, любые подобные различители значений также являются знаками: «Дифференциальные признаки, цельный дискурс и другие лингвистические сущности, несмотря на структурные отличия их функций и поля деятельности, все подчинены одной общей науке о знаках» (Jakobson [1975] 1996, 156). (Подробнее см. п. 14.)

7 Явления, сочетающие в себе знаковые и незнаковые (утилитарные) функции. Язык, в какой бы функции он ни выступал, всегда является системой знаков. За пределами языка, однако, есть множество явлений, в которых их знаковые функции соединяются с незнаковыми. Подробно вопрос о функциях языка и других семиотик будет рассмотрен далее, в лекции XII, но сейчас имеет смысл показать такого рода соединения на примере.

Одежда, в которой человек появляется на людях, — всегда семиотична, это часть его поведения. Особенно высока степень семиотичности униформы. Однако основное назначение одежды — утилитарное: защищать тело человека от неблагоприятных воздействий внешней среды.

Проводы и встреча на вокзале могут иметь вполне утилитарные цели: во-первых, помочь с чемоданом, показать гостиницу и т. д.; во-вторых, иногда встреча или проводы отвечают стремлению человека скорее, пораньше увидеть близкого (или подольше побыть вместе в преддверии разлуки); в-третьих, поездка для встречи или проводов может быть для кого-то отчасти развлечением (например, для маленьких детей, когда они просят взять их с собой на вокзал или в аэропорт). Все это утилитарные функции встреч-проводов. Что касается их семиотического аспекта, то его наличие обычно связано с выражением положительного отношения к тому, кого встречают (провожают). В дипломатическом протоколе встреча в аэропорту целиком семиотична: это необходимый знак приветствия официальных представителей другого государства.

Утилитарная функция маневров состоит в тренировке или проверке военной выучки; их знаковая функция — демонстрация силы, готовности к агрессии или обороне.

Относительно произведений архитектуры и прикладного (декоративного) искусства всегда можно легко указать на их утилитарное назначение, но их функции шире, значительнее их «полезности». На них есть печать времени, в них отражены национальные традиции и художественный вкус народа, искусность или бездарность замысла и исполнения; они способны волновать, радовать или возмущать, вызывать чувства гордости или стыда и презрения к горе-мастерам.

Легко видеть, что пропорции семиотического и утилитарного в разных знаках могут быть различны. Впрочем, иногда «чисто символическое» поведение оказывается с более общей точки зрения утилитарным: например, церемония встречи главы иностранного государства (включая вывешивание государственных флагов, почетный караул, исполнение гимна, цветы, хлеб-соль и т. д.) — это действия по установлению или поддержанию нужных отношений с данным государством.

Лекция II

ГЛАВНЫЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ СЕМИОТИКИ

8. Спор о природе имен в Древней Греции (теории «*фюсей*» и «*тесей*»). Диалог Платона «Кратил» (IV в. до н. э.). — 9. Чарльз Сандерс Пирс, признанный основатель семиотики Нового времени. — 10. Фердинанд де Соссюр как семиотик. — 11. Методологический экскурс: о необходимости различать «ценные для семиотики идеи» и работы, составляющие предмет истории семиотики. — 12. Герменевтическая семиотика Г. Г. Шпета. — 13. Первая в XX в. книга по семиотике: «Основания теории знаков» Чарльза Морриса (Чикаго, 1938). — 14. Семиотические идеи Романа Якобсона. — 15. Проблемы семиотики в психологии. Жан Пиаже, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин. — 16. Семиотика в западноевропейском структурализме. Клод Леви-Строс, Ролан Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида, Умберто Эко. — 17. Московско-тартуская семиотическая школа. Ю. М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Вл. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Н. И. Толстой

8. Спор о природе имен в Древней Греции (теории «*фюсей*» и «*тесей*»). Диалог Платона «Кратил» (IV в. до н. э.). Согласно первой рефлексии человеческого ума над словом, слово (имя вещи) мыслилось не как условное обозначение вещи, но неконвенционально: как часть или даже как сущность вещи. Неконвенциональная трактовка языкового знака характерна для пралогического мышления; она лежит в основе языковой магии и, шире, разных видов фидеистического (религиоз-

ного) отношения к слову (подробнее см.: Мечковская 1998). Неконвенциональное восприятие слов дошкольниками хорошо известно детской психологии: «слово отождествляется с вещью» (К. И. Чуковский); например, первоклассник может считать, что в предложении *Там стояло два стула и один стол* всего три слова, или что слово *конфета* — сладкое. Неконвенциональность часто присутствует в художественном (эстетическом) восприятии слова.

Согласно древнейшей в европейской античности концепции слова, имя вещи соответствует ее природе. В этом суть *теории фюсей* (от греч. *phýsis* ‘природа’). Так считали Гераклит (ок. 520 — ок. 460 до н. э.), позже — стоики, отчасти — гностики и пифагорейцы.

Сторонники противоположной концепции, известной как *теория тэсей* (от греч. *thésis* ‘положение, установление’), видели в именах условное установление, сознательно принятое людьми. Так понимали природу имени Демокрит (460 — 370 до н. э.), Аристотель (384 — 322 до н. э.), отчасти Платон (428 — 348 до н. э.).

Сторонники теории фюсей связывали «природную» мотивированность имени, во-первых, с «изобразительностью» звуков речи по отношению к внеязыковому миру и, во-вторых, с обусловленностью звуков речи физиологическими ощущениями человека. Шесть веков спустя св. Августин (354 — 430) следующим образом представлял доводы стоиков: «природность» названий доказывается, во-первых, звукоподражаниями (т. е. словами, с помощью которых мы говорим о звоне меди, ржании лошадей или скрипе цепей); во-вторых, — сходством между воздействием вещи на человека и его ощущениями от этой вещи: «Сами вещи воздействуют так, как ощущаются слова: *mel* (мед) — как сладостно воздействует на вкус сама вещь, так и именем она мягко действует на слух; *acre* (острое) в обоих отношениях жестко; *lana* (шерсть) и *vepres* (терн) — каковы для слуха слова, таковы сами предметы для осязания. Это согласие ощущения вещи с ощущением звука стоики считают как бы колыбелью слов» (цит. по: Античные теории 1936, 72).

Спор о природе названий вызвал самое знаменитое сочинение древнегреческой философии о языке — диалог Платона «Кратил, или О правильности имен». Обсуждают проблему трое: Кратил, защитник правильности «подлинных» имен (тех, которые присущи вещам от природы), Гермоген, уверенный в том, что «никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют», и мудрейший арбитр Сократ, ищущий «третий берег». Это, очевидно, и точка зрения самого Платона. Устами Сократа Платон говорит, что имена были установлены, но «зако-

нодатель имен» (*ономатотет*¹) устанавливал имена таким образом, чтобы звуки, из которых создавалось имя, отвечали «природе» называемого предмета или действия. И далее, показывая, каким образом звучание и значение могут отвечать природе друг друга, Платон по сути закладывает основы концепции звуко-символизма (аргументы Платона приведены в обширной выдержке из «Кратила» в п. 42, в лекции VII «Иконические знаки. Звуко-символизм»).

Компромисс Платона в понимании имени (компромисс между «природой» и «установлением») связан с историей названий: при возникновении слова между его звуковой оболочкой и называемой вещью существовала та или иная внутренняя связь (звуко- или образоподражательного характера), но потом возникает такое множество производных слов, с настолько далеко разошедшимися значениями, что первоначальная мотивированность забывается, и связь имени и вещи держится традицией, договором, а не природой.

Размышляя над природой названий, Платон в «Кратиле» высказывает замечательные и до сих пор вполне актуальные семиотические идеи. Например, такие:

— мотивированность слова может быть различной природы (разного характера): «...одни имена составлены из более первичных, а другие являются первыми» (Античные теории, 1936, 55—56);

— мотивированность может быть присуща имени в разной (большей или меньшей) степени: «Итак, мой славный, смело признавай, что и имя одно назначено хорошо, а другое — нет, и не заставляй его иметь все буквы, чтобы быть совершенно такими же, как то, чьим именем оно является, но позволь вносить в него и неподходящую букву» (там же, 55);

— принятие имени людьми зависит не от «правильности» имени (его адекватной мотивированности), но от «договоренности», т.е. конвенции, условленности между людьми: «Мне и самому нравится, чтобы имена в пределах возможности были сходны с вещами. Однако, в самом деле, как бы это стремление к сходству не оказалось, как говорит Гермоген, слишком стеснительным и не пришлось бы привлекать к вопросу о правильности имен грубое соображение о договоре» (там же, 57).

¹ От греч. *onomato-thētēs* (дословно 'установитель, законодатель имен', от *onoma* 'имя, название' и *thētēs* — 'полагатель, установитель, закладыватель'; существовало также слово *onomáton* — 'дающий имя'), однако не ясно, кто именно был этим богом или героем. По преданию, Пифагор на вопрос «Что самое мудрое?» ответил: «Число; а на втором месте тот, кто установил имена вещам» (Античные теории 1936, 32). О том, как объяснялось происхождение имени в разных мифологиях, см.: Иванов 1962; Топоров 1991.

Последующее языкознание и, в частности, семасиология и теория номинации — это, по сути, развитие и конкретизация семиотических идей Платона.

9. Чарльз Сандерс Пирс, признанный основатель семиотики Нового времени. Американский математик, логик, естествоиспытатель и философ Ч. С. Пирс (Piers) (1839—1914) вошел в историю знания как родоначальник философии прагматизма и основатель современной семиотики. В 1861—1891 гг. Пирс преподавал в знаменитых американских университетах (Кембридж, Гарвард, университет Джона Гопкинса), и его идеи формировались и получали известность в лекциях, однако большинство работ не было опубликовано при жизни автора. Труды Пирса получили всеобщее признание в 1930-х годах: когда в 1931 г. в Гарварде начало выходить 8-томное собрание его сочинений (издание которого было закончено в 1958 г.), и о Пирсе стали писать как об «отце научной философии США»¹.

Развитие семиотики до Пирса — это история отдельных семиотических идей, озарений и споров о словах или знаках в безбрежном море философских поисков. Хронология семиотики богата событиями и славными именами. Вот только некоторые из них, позволяющие видеть масштаб идей и личностей:

- древнегреческий спор о природе имени; анализ строения знака у стоиков;
- учение Филона Александрийского (ок. 25 г. до н. э. — ок. 50 г. н. э.) о четырех смыслах текста Писания и разных способах интерпретации текста;
- неоплатонические идеи Псевдо-Дионисия Ареопагита (V или начало VI в.) о бессилии человеческого языка в познании;
- средневековый спор номиналистов и реалистов о природе универсалий (общих понятий) и их обозначений;
- принципы работы логического автомата, разработанные и отчасти реализованные (!) Раймондом Луллием (ок. 1235 — ок. 1315), испанским поэтом и философом, миссионером и первым европейским арабистом;
- теория познания Джона Локка (1632—1704), сенсуалиста-эмпирика и провозвестника политического либерализма, который в «Опыте о человеческом разуме» (1690, рус. пер. 1898) указал на важность проблемы обозначения простых и сложных идей с

¹ Р. О. Якобсон отмечал, однако, что это издание, осуществленное без должного текстологического и библиографического обеспечения, не позволяет в полной мере представить развитие идей Пирса. В 2000 г. в Санкт-Петербурге в Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ были подготовлены два тома сочинений Пирса в русском переводе по трем американским изданиям (см.: Пирс 2000; Пирс 2000 [а]).

помощью знаков; в процессах **означивания** он видел одну из «трех важнейших областей умственной работы» и считал, что знаки и означивание следует рассматривать в специальной теории (Локк назвал ее *семиотикой*¹);

- семиотический раздел (один из четырех) в двухтомном философском-онтологическом построении немецкого философа и логика Иоганна Генриха Ламберта (1728 — 1777), названном «Новый Органон» (1764)²; у Ламберта существенно расширяются границы философской семиотики: кроме естественных языков он рассматривает, с одной стороны, неязыковые средства коммуникации — музыку, хореографию, гербовые знаки и эмблемы, церемонии и др., а с другой — алгебру и другие искусственные языки наук, видя в них «повторный перевод» (*gedoppelte Übersetzung*): знание о мире «переводится» на обычный язык, а затем на язык знаков науки (о Ламберте как о видном предшественнике Пирса см.: Якобсон [1975] 1996).

Таким образом, у Пирса были предшественники, однако Пирс первым разработал целостную теорию знаков и знаковых систем (назвав ее, вслед за Локком, *семиотикой*) и предложил ее основные термины. Пирс шел к семиотике от средневековой логики и умозрительной (теоретической) универсальной грамматики (лат. *grammatica speculativa*) средневековых философов, стремившихся выявить универсальные категории мышления (которые, по доктринам *grammatica speculativa*, присутствуют в любом языке). Неслучайно первые книги, в которых Пирс формулирует принципы семиотики, названы им во вкусе Средних веков: «*Grammatica speculativa*» (1867)³ и «О новом списке категорий» (1867). Семиотика была для него делом жизни: с семиотики он начинал; о ней в начале XX в. написал свою главную книгу — «Система логики с точки зрения семиотики».

Пирс разработал самую органичную для семиотики классификацию знаков, в которой три основных класса знаков — **знаки-индексы**, **знаки-копии** (или **знаки-иконы**) и **знаки-символы** (подробно см. лекции V—IX) — отражают три степени **семиозиса** (становления знака). В отличие от других классификаций знаков (в том числе таких естественных и важных, как различение зна-

¹ Слово *семиотика* издавна и до сих пор используется в медицине, обозначая раздел диагностики, связанный с изучением и оценкой проявлений, признаков, симптомов болезни. О терминологической новизне семиотики как науки о знаках говорит тот факт, что во 2-м издании Большой Советской энциклопедии (Т. 38. — М., 1955) термин *семиотика* объясняется только в медицинском смысле.

² Аллюзия к названию свода логических сочинений Аристотеля — «Органон» (греч. *órganon* 'орудие, инструмент'), т. е. логика мыслилась как инструмент ума.

³ Ее IV глава «Предложение» опубликована в антологии (см.: Семиотика 1983) с комментариями Т. В. Булыгиной.

ков по физической природе их оболочек — **знаки оптические, слуховые, осязательные** и т.д.; см. п. 21 — 24), классификация Пирса является сущностной, поскольку в ней учитывается главное в двусторонней структуре знака — степень мотивированности оболочки знака его содержанием. Эта полностью актуальная для современной семиотики концепция будет представлена в лекции V выдержками из работ Пирса, что позволит почувствовать силу и пронизательность его мысли.

Первопроходческую семиотику Пирса исключительно высоко ценил Р.О. Якобсон. Он писал, что Пирс «возможно, был самым изобретательным и разносторонним из американских мыслителей», с горечью добавляя: «настолько великим, что ни в одном университете не нашлось для него места» (Якобсон [1965] 1983, 102). Якобсон разделял убежденность Пирса в фундаментальном значении семиотики для всего гуманитарного знания, но особенно для лингвистики: «Полувековая работа Пирса по созданию общих основ семиотики имеет эпохальное значение, и если бы работы Пирса не остались большей частью неопубликованными вплоть до 30-х годов <...>, они, несомненно, оказали бы ни с чем не сравнимое влияние на развитие лингвистической теории в мировом масштабе» (там же, 103).

Якобсон считал «одной из наиболее плодотворных и блестящих идей» Пирса его определение значения «как перевода знака одной системы в другую систему знаков». Прочитав эти слова, Якобсон замечает: «Сколь многих бесплодных дискуссий о ментализме и антиментализме можно было бы избежать, если бы к понятию значения подходили как к переводу, который не могли бы отрицать ни менталист, ни бихевиорист» (Якобсон [1977] 1996, 164).

В 1975 г. на симпозиуме, посвященном Пирсу, Якобсон сожалел о том, что «после великого брожения в науке, которое последовало за Первой мировой войной, только что появившийся “Курс общей лингвистики” Соссюра не мог быть сопоставлен с аргументами Пирса: такое сопоставление идей, одновременно и сходных, и противоположных, возможно, изменило бы историю общей лингвистики и начала семиотики» (Якобсон [1977] 1996, 164). (Подробно о Пирсе см. также: Якобсон [1975] 1996.)

10. Фердинанд де Соссюр как семиотик. Родоначальник структурной концепции языка Ф. де Соссюр (1857 — 1913) не знал о семиотических идеях своего американского современника Ч. Пирса и шел к семиотике не от логики и истории схоластики, как Пирс, но от лингвистики, размышляя над природой языка. Соссюр считал *семиологию* (так он предлагал называть науку о знаках) частью социальной психологии, а лингвистику — частью семиологии. «Для нас же проблемы лингви-

стики — это прежде всего проблемы семиологические. <...> Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка» (Соссюр 1977, 55).

Соссюр указал три свойства языкового знака «первостепенной важности»: 1) его **произвольность** (или **арбитражность**), т.е. условность, конвенциональность слова; 2) **линейность** означающего языкового знака; 3) **«неизменчивость и изменчивость»** знака.

А. Говоря о преобладании в языке произвольных знаков, Соссюр вместе с тем называет два главных класса языковых явлений, где наблюдается мотивированность (звукоподражания и междометия), однако считает эти исключения малостью: принцип произвольности знака «подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы» (там же, 101). «Сама произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его», поэтому исчезает всякая почва для обсуждения «рациональности» знаков, предпочтения одних знаков другим. «Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» (там же, 106—107).

Б. Линейный характер означающего языкового знака Соссюр раскрывает так: «элементы следуют один за другим, образуя цепь». Таким образом, означающее языкового знака характеризуется признаками «заимствованными у времени»: он обладает протяженностью. Признак линейности существен, «от него зависит весь механизм языка» (там же, 103), поскольку линейность означает **неодновременность** восприятия одного сообщения (например, двух сегментов одного высказывания).

Вслед за Соссюром при классификации знаковых систем различают семиотики, порождающие линейные сообщения (язык, музыка, танец и др.), и семиотики, чьи произведения нелинейны (изобразительные искусства, дорожные знаки, униформа и др.). Это полезное различие, оно существенно для психологии восприятия текстов разной семиотической природы. Например, можно сразу окинуть взглядом полотно, которое художник писал два года, в то время как произведение словесного искусства, если оно длиннее пословицы, загадки или четверостишия, воспринимается не одновременно.

В. «Неизменчивость и изменчивость знака» — так парадоксально, антиномично называет Соссюр главу в первой части своего «Курса общей лингвистики» (1916) и далее не боится два соседних параграфа назвать так же противоречиво: § 1 — «Неизменчивость знака», § 2 — «Изменчивость знака». Однако в данной оппозиции существенна очередность, т.е. иерархия терминов: «При всяком изменении преобладающим моментом является устойчи-

вость прежнего материала, неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности» (там же, 107).

В общей теории знаковых систем оппозиция семиотик, способных к изменениям (*адаптивных, динамических, открытых*), и семиотик неизменяемых (*неадаптивных, статичных, закрытых*), является одной из наиболее глубоких и эвристически ценных.

Подробно о семиотических идеях Соссюра, в том числе о его недавно изданных ранних работах? см. в книгах Якобсона (см.: Якобсон [1975] 1996).

11. Методологический экскурс: о необходимости различать «ценные для семиотики идеи» и работы, составляющие предмет истории семиотики. После беспрецедентного в истории языкознания успеха идей Соссюра (его «Курс общей лингвистики» был издан 17 раз на 11 языках) и по мере расширения известности работ Пирса семиотика постепенно становится отдельной дисциплиной, хотя и сохраняет свой междисциплинарный характер. Важной вехой в самоопределении семиотики было появление первой в XX в. книги по семиотике — «Основания теории знаков» логика и философа Чарльза Уильяма Морриса (Чикаго, 1938). Применительно к XX в. имеет смысл различать работы по «собственно семиотике» и всякое другое гуманитарное знание, которое всегда, по определению, изучает реальность, существенным компонентом которой являются семиотические процессы и явления.

В гуманитарных науках семиотика имеет главным образом методологическое и инструментальное значение: это система понятий и исследовательских принципов, доказавших свою результативность при изучении разных информационных процессов и их знаковых (текстовых) реализаций. У семиотики нет объекта, который бы не рассматривался в других областях знаний. Специфика семиотики состоит не в особой предметной области интересов, но в особом, именно семиотическом, взгляде на объекты разных гуманитарных наук.

«Семиотический взгляд» предполагает, во-первых, наличие «семиотического самосознания» автора: последний отдает себе отчет в том, что пишет именно семиотическую работу (на материале, допустим, истории театра), или, по меньшей мере, что некоторый конкретный раздел в его работе — это семиотический анализ¹; во-вторых, автор-семиотик использует категории и тер-

¹ Поэтому представляется спорным решение Ю.С. Степанова относить к семиотике работы «иногда помимо собственного мнения их авторов» (Семиотика 1983, 6).

мины семиотики; в-третьих, исследователь-семиотик всегда выходит за границы одной знаковой системы: сопоставление разных семиотик может не входить в его задачи, однако такое сопоставление оказывается основным методом для выяснения сущностного своеобразия прямого объекта в конкретном исследовании.

Работы, отвечающие названным признакам, образуют предмет истории семиотики. Однако их авторы работали в необозримо широком культурно-гуманитарном контексте своего времени — с его философскими, художественными, интеллектуальными, религиозными и иными вопросами и поисками. В общем контексте времени семиотические идеи и догадки нередко рождались не под пером семиотика, но в суждениях кинорежиссера, книгоиздателя или хореографа, и потом становились дневниковой записью, речью или статьей художника, звучали на репетициях или формулировались в эстетических манифестах. Рефлексия наук и искусств, во-первых, над процессами коммуникации и познания и, во-вторых, над поисками «своего языка» в искусствах и науках — это семиотическая реальность в их истории, однако это еще не собственно семиотическая рефлексия. В «досемиотической» рефлексии были увидены и сформулированы замечательно глубокие закономерности в разных областях «семиотической реальности», может быть, даже более глубокие, чем построения записных семиотиков, однако без категорий и терминов семиотики такие работы принадлежат не столько семиотике, сколько философии познания, эстетике, культурологии.

Разумеется, в «семиотической реальности» можно видеть определенный этап в развитии семиотики — такова позиция Вяч. Вс. Иванова в его «Очерках по истории семиотики в СССР» (см.: Иванов 1976; а также переработанную версию книги в: Иванов 1998). Основной предмет «Очерков» составили те закономерности человеческого познания (в первую очередь мифопоэтического и интуитивно-художественного), которые открывались в трудах С. М. Эйзенштейна, Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, П. А. Флоренского и других выдающихся представителей гуманитарной мысли первой половины XX в. Однако легко видеть, что Вяч. Вс. Иванов прежде всего систематизирует и компрессирует их идеи и гипотезы (подчас содержавшиеся в труднодоступных источниках, например, в тогда еще не изданных рукописях и рабочих тетрадях Эйзенштейна), отчасти как бы «переводя» их на язык семиотики, однако сами авторы (герои «Очерков») думали не о семиотике, но о своем «прямом деле» — об истории культуры и искусства, истории сознания или о возможностях киноязыка.

История того, «как люди относились к знаковым системам» (Иванов 1976, 5), разумеется, шире истории терминированной семиотики — настолько шире, что такая история превратилась бы

в объединенную историю всех искусств и наук, изучающих закономерности познания и общения, т. е. в историю всего гуманитарного знания. Можно сомневаться в продуктивности подобной семиотики «без границ»¹. Поэтому в данной книге предмет истории семиотики понимается в указанном в начале данного пункта терминологическом смысле.

12. Герменевтическая семиотика Г. Г. Шпета. Философ и эстетик Густав Густавович Шпет (1879—1937), выпускник Киевского университета и профессор Московского (в 1918—1921 гг.), вице-президент Российской Академии художественных наук (в 1923—1929 гг.) и проректор организованной К. С. Станиславским Академии высшего актерского мастерства (в 1931—1935)², был видным последователем и другом основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля (с которым сблизился в 1910—1913 гг., когда завершал свое образование в Гёттингене). В 1916 г. избран доцентом Московского университета (1916). Шпет был одним из создателей и руководителей Московского лингвистического кружка (1915—1924), составляя его логико-теоретическое и феноменологическое крыло, автором книг по философии, теории искусства, этнологии, переводчиком с немецкого, английского, французского, итальянского и польского (в числе его переводов — «Феноменология духа» Гегеля и еще около 20 работ по философии, психологии, логике, эстетике, а также пьесы Байрона и Шекспира) и непревзойденным комментатором трагедий Шекспира и «Посмертных записок Пиквикского клуба» Диккенса. По словам современного биографа Шпета, он «обладал фантастической эрудицией и начитанностью» (Пастернак 1989, 5).

По сведениям Г. Г. Почепцова, слово *семиотический* (не в медицинском смысле) на русском языке впервые встречается имен-

¹ Указанное широкое понимание семиотики реализовано в интересных книгах Г. Г. Почепцова (см.: Почепцов 1998; Почепцов 2001), ценность которых заключается прежде всего в их, как сказано в аннотациях, «максимально цитатной форме». Эти книги знакомят с теми идеями виднейших русских гуманитариев (включая психологов и физиологов, экономистов и философов) и деятелей искусства, которые связаны с их профессией и при этом касаются формы и содержания разных искусств и видов познания и коммуникации. Понятно, что различных интересных мыслей на эти темы высказано и написано целые библиотеки (поэтому, в частности, библиография в книге Почепцова (2001) включает 912 позиций). При таком понимании истории семиотики она оказывается равной истории гуманитарных дисциплин (включая искусствоведение), т. е. становится своего рода «наукой наук», что обернулось бы просто растворением семиотики в гуманитарном знании.

² В 1935 г. Шпет был арестован и сослан в Сибирь (где недолгое время работал в Томском университете), затем снова арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

но у Шпета — в его докторской диссертации «История как предмет логики. Критические и методологические исследования. Ч. I» (М., 1916) в следующем контексте: «...Историческое познание никогда не является познанием чувственным или рассудочным или познанием внешнего, или внутреннего опыта, а **всегда** есть познание, предполагающее уразумение или интерпретацию как средство уразумения. Такого рода познание можно условиться называть **семиотическим познанием**» (цит. по: Почепцов 2001, 215). Однако, как можно видеть, здесь *семиотический* — это еще не прилагательное к слову *семиотика*, но характеристика феноменологической герменевтики (предполагающей методическую, по строгим правилам редукции в духе Гуссерля, интерпретацию исторических данных (а эти «данные» — всегда «малое») для уразумения «большого» — ушедшей в прошлое реальности).

Во второй части своих «Эстетических фрагментов» Шпет характеризует семиотику как «формальную онтологию»¹. Здесь особенно весомо слово *формальный*: оно удерживает от понимания семиотики как «науки наук»; семиотика исследует не значения, но способы означивания.

Работы «русского гуссерлианца» Шпета (определение В. В. Зеньковского в его «Истории русской философии», 1950) были одним из основных источников феноменологического мышления в русской филологии. Вяч. Вс. Иванов приводит мнение (хотя и не вполне принимая его) Эльмара Холенштейна, немецкого исследователя творчества Jakobsona, о том, что «в основе всей его (Jakobsona. — *Н. М.*) концепции лингвистики и поэтики лежит «феноменологический принцип»» (Иванов 1985, 7)². Влияние Шпета ощутимо в работах ученых Московского лингвистического кружка (Р. О. Jakobsona, Г. О. Винокура, П. Г. Богатырева), а также в трудах более позднего поколения русских лингвистов — А. А. Реформатского, П. С. Кузнецова, М. В. Панова³.

В семиотическом наследии Г. Г. Шпета обратим внимание читателя на три ключевые идеи, относящиеся к разным областям гуманитарного знания, — к герменевтике, этнологии и теории театра.

¹ «Теория слова как знака есть задача формальной онтологии, или учения о предмете, в отделе *семиотики*» (Шпет 1989, 381—382).

² См.: *Holenstein E. Jakobson und Husserl. Ein Beitrag zur Genialogie des Strukturalismus // History of Linguistics.* — Berlin; New York, 1976. — P. 773—810.

³ Ср. резюме и оценку центральной идеи «Эстетических фрагментов» Шпета в журнальном отклике Г. О. Винокура 1925 г.: «В основании “Эстетических фрагментов” <...> лежит большая и огромной ценности философская мысль. <...> Мысль эта заключается в усмотрении структурного строения всего нашего культурно-социального бытия и в понимании культуры как выражения, овещения, реализации смысла. Смысл не дан иначе как через знак <...>» (Винокур 1990, 87).

А. В сфере герменевтики Шпет показал двоякую роль языка в познании гуманитарных объектов: во-первых, это аналог (модель) других средств выражения значений (т.е. других языков, других знаковых систем), во-вторых, слова (и другие знаки) — это только первый семантической «слой», определяющий исходные для герменевтики данные, но не все, что подлежит герменевтическому анализу.

Развивая идеи о внутренней форме слова В. Гумбольдта и А. А. Потебни (которые понимали слово широко — не только как лексему, но и как высказывание, словесное произведение, язык в целом), Шпет трактует слово в качестве аналога всякого объекта герменевтики — личности автора, произведения искусства, этнической психологии. Эта мысль звучит в ряде его работ 1920-х годов, ср. в «Эстетических фрагментах» (1922): «Слово есть *prima facie* [лат. (дословно) ‘по первому виду’, на первый взгляд] *сообщение*. Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура — культ разумения, слова — воплощение разума» (Шпет 1989, 380).

Видя в слове универсальную модель всякого семантического (и, следовательно, герменевтического) объекта, Шпет распространяет принципы философского анализа слова на познание личности (в том числе автора или сценического персонажа): «В целом личность автора выступает как аналогон слова. Личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, онтические, логические и поэтические формы. Последние конструируются как отношение между экспрессивными формами случайных фактов ее поведения и внутренними формами закономерности ее характера» (Шпет 1989, 471).

Анализ языка, по мысли Шпета, ценен как методология понимания различных гуманитарных объектов. Он пишет об этом в своем «Введении в этническую психологию» (1927): «Язык до известной — и притом глубокой, — степени является естественным и наиболее близким для нас прототипом и репрезентантом всякого выражения, прикрывающего собою *значение*» (Шпет 1989, 515).

Развивая аналогии между языковыми знаками и всеми другими знаками культуры (в том числе произведениями искусства), автор раскрывал методологическое значение философии языка для философии культуры.

Б. Его книга «Введение в этническую психологию» (М., 1927) связана с работой организованного им первого в России Кабинета этнической психологии при Московском университете (1920—1923). По оценке Вяч. Вс. Иванова, предлагаемый Шпетом подход к психологии народов был «первой попыткой семиотического истолкования этнологии... задолго до Кассирера, Леви-Строса и Лесли Уайта» (Иванов 1976, 268). Герменевтические принципы

распространяются на вещи, понимаемые как *знаки* этнической культуры, в том числе духовной: «Сфера этнической психологии априорно намечается как сфера доступного нам через понимание некоторой системы *знаков*, следовательно, ее предмет постигается только путем расшифровки и интерпретации этих знаков. Что эти знаки являются не только приметам вещей, но и *сообщениями* о них, видно из того, что бытие соответственных вещей не ограничивается чистым явлением знаков. Другими словами, мы имеем дело со знаками, которые служат не только указаниями на вещи, но и выражают также некоторое значение. Показать, в чем состоит это значение, и есть не что иное, как раскрыть соответствующий предмет с его содержанием, т.е. в нашем случае это есть путь уже к точному фиксированию предмета этнической психологии» (Шпет 1989, 514).

В. Статья Шпета «Театр как искусство» (журнал «Мастерство театра», 1922, № 1)¹ выявляет специфику театральной условности (в отличие от других искусств) и те функции, которые в искусстве театра выполняют его разные составляющие — актеры, пьеса, декорации, музыка и др. В отличие от своих герменевтических работ, здесь Шпет исследует не процесс понимания произведения, но слагаемые выразительности сценического искусства и, полемизируя с «литературоцентричностью» натуралистического и реалистического театра, отстаивает приоритет игры актера: «Художественное содержание сценического искусства — экспрессивность актера; внешняя форма этого содержания — моторно-симпатическое действие»² (Шпет [1922] 1988).

Интересны «межсемиотические» параллели между «материалом» в игре актера и «материалом» в искусстве художника, архитектора, музыканта, проводимые Шпетом в подтверждение своей мысли о разнонаправленности усилий актера и драматурга: «Текст так же мало, в строгом смысле, материал актера, как, например, “натурщик” — материал живописца, “материк” (*terrain solide*)³ — материал зодчего или “пюпитр” и “нотная бумага” — материал музыканта. С в о й материал актер подвергает творческому формированию, когда он обращается к своему голосу, интонации, декламации, жесту, мимике, фигуре, словом, к своей “маске-лицу” (*persona*). [Актер] «у с л о в н о изображает действующее лицо, а не копирует какого-либо действительного субъекта. Он сам со-

¹ Работа переиздана в «Вопросах философии» (см.: Шпет [1922] 1988); далее цитируется переиздание.

² *Симпатический* здесь означает ‘соединенный со страстями, чувствами’ (от греч. *syn* ‘с(о), вместе’ и *pathos* ‘страсть, возбуждение, воодушевление’).

³ *Terrain solide* (франц. дословно ‘основная земля’) — место застройки, т.е. ландшафт, преобразуемый архитектором.

здает воображаемые лица с о б о ю. Писатель не только этого не делает, но и не помогает ему в этом» (там же, 85—86).

Соотношение формы и содержания в искусстве театра, которое является ключевым для понимания природы знака и условности в семиотике театра, Шпет представляет в духе Потебни и «русского формализма» (ОПОЯЗ, Московский лингвистический кружок, журнал «ЛЕФ»): «Композиционное отношение формы чувственного образа на сцене и идеи изображаемого лица есть внутренняя форма сценического представления. Оно принципиально символично» (там же, 91). В духе «формального метода», а также эстетики Мейерхольда Шпет подчеркивает самодостаточность и автономность театра, впрочем, как и всякого искусства: «Действительность театрального представления, как и во всяком искусстве, есть отрешенная действительность; критерий соответствия обыденной и натуральной или прагматической действительности к театральному представлению неприменим» (там же).

У Шпета еще нет семиотической терминологии. Однако он предвидел появление науки о коммуникации, более теоретической и глубокой, чем языкознание. Во «Введении в этническую психологию», в развитие мыслей о роли языка и лингвистики в гуманитарных науках («язык — условие всего социального, и наука о языке — “основа” всех наук о социальном, в том числе этнологии, в том числе этнической психологии»), он добавляет: «А если и само языкознание нуждается в более твердом основании, то последнее надо искать еще глубже, в чем-нибудь вроде “науки о сообщении” вообще» (Шпет 1989, 525).

13. Первая в XX в. книга по семиотике: «Основания теории знаков» Чарльза Морриса (Чикаго, 1938).

Доктор философии Чикагского университета Ч. У. Моррис (1901—1978) был по преимуществу семиотиком, хотя писал также работы по философии (близкие неопозитивизму и прагматизму) и бихевиористской психологии. В 30-х гг. он участвовал в крупном издательском проекте неопозитивистов — «Международной энциклопедии унифицированной науки», которая планировалась как единая в своих научных принципах («унифицированная») серия трудов по методологии науки и конкретным ее отраслям. «Основания теории знаков» Морриса стала второй книгой в задуманной «Энциклопедии» (издание которой, впрочем, вскоре прекратилось). В комментариях к русскому переводу «Оснований теории знаков» Морриса Ю. С. Степанов так характеризует замысел автора: «Его семиотика должна была способствовать решению одной из основных задач неопозитивизма — подведению единого “языкового” (т. е. семиотического) основания под различные специальные науки (физику, математику, психологию, лингвистику);

семиотика предполагалась как «унифицирующая наука» (Семиотика 1983, 585).

Моррис видел в семиотике инструмент («органон») всех наук, идущий на смену классической логике. Поскольку «всякая наука должна воплотить свои результаты в знаки языка... ученый должен быть столь же тщательным в обращении со своим орудием — языком, как и при конструировании приборов или проведении наблюдений» (Моррис [1938] 1983, 86). Моррис предлагал «сделать подготовку в области семиотики постоянной частью образования ученого» (там же). Это поможет избежать псевдопроблем, вызванных семиотическими недоразумениями разного рода, — например, смешением знаков (терминов, высказываний), принадлежащих **теории**, и знаков **метатеории** (т.е. принадлежащих интерпретации и оценке теории)¹. По мысли Морриса, семиотика в состоянии разрешить и такую коллизию между эмпирической наукой и ее языком: «Эмпирические науки заняты в действительности не столько тем, чтобы получить все возможные истинные утверждения <...>, сколько тем, чтобы получить *важные* истинные утверждения <...>, но язык эмпирической науки приспособлен для выражения истины, а не важности ее утверждений» (там же, 88).

Спустя более полувека вера Морриса в семиотический «новый органон» может казаться наивной, однако его мысли о необходимости семиотической подготовки любого исследователя реализованы на практике, причем в несравнимо большем масштабе, чем он думал. В этой связи можно указать на жесткие стандарты в патентной документации и в оформлении научных публикаций (включая суровые композиционно-стилистические требования к тексту и правила оформления библиографии): эти стандарты и нормы должны быть известны не только авторам изобретений и статей, но и потребителям соответствующих текстов; ср., далее, глубокую жанровую специализацию научно-технических текстов (статья, реферат, аннотация, аналитический обзор, диссертация, автореферат диссертации, монография, учебник; разные виды справочной и библиографической литературы), и специалист знает, какую информацию где и как находить. Это и есть результаты продвинутой семиотической подготовки специалистов. Излишне говорить, насколько вырос уровень общесемиотической подготовки тех авторов или исследователей, которые пользуются компьютером и Интернетом.

К «Основаниям теории знаков» Морриса восходит также общепринятое сейчас различие трех основных аспектов знака (он называл их еще *функциями*, или *измерениями семиозиса*²): 1) **сип-**

¹ Заметим, что это существенно глубже и реалистичнее, чем знаменитое декартовское «Определяйте значения слов и вы избавите мир от половины заблуждений».

² *Семиозис*, по Моррису, — это «процесс, в котором нечто функционирует как знак» (там же, 39).

тактики (отношения между знаками в знаковых последовательностях — например, отношения между словами в высказывании или между отдельными мотивами в увертюре или в опере); 2) **семантики** (отношения между знаками и тем, что они обозначают); 3) **прагматики** (отношения между знаками и участниками коммуникации, т. е. отношения людей к тем знакам, которые они используют — посылают и воспринимают)¹. Трех основным аспектам знака соответствуют три раздела семиотики: **синтактика**, **семантика** и **прагматика** (в книге Морриса — это основные разделы).

Разделяя семиотику на указанные три области, Моррис проводит аналогию между трояким членением семиотики и тремя основными дисциплинами в средневековом базовом образовании (так называемый *trivium*): «Семиотика — это система, которая охватывает современные эквиваленты древнего “тривия” (*trivium*) — логики, грамматики и риторики» (там же, 86)². Иначе говоря, Моррис готов был видеть в семиотике образовательный фундамент культуры.

Синтактика, семантика (включая парадигматику) и прагматика в совокупности и с е р п ы в а ю т все области отношений, которыми характеризуется любой отдельный знак (простой или сложный), а также последовательность знаков или произведение (семиотический текст). Поэтому исследователь конкретного информационно-семиотического объекта (например, грамматической категории, рекламного плаката или мизансцены), методически переходя от характеристики синтактики объекта к семантике и далее к прагматике, получает возможность его в с е с т о р о н н е г о анализа. В этом состоит эвристическая ценность различения трех названных аспектов, предложенного Моррисом.

Сам Моррис считал, что выделенные три аспекта знака присутствуют в конкретных текстах в р а з н ы х пропорциях. Это может быть основанием для функционально-семиотической дифференциации текстов, что и демонстрировал Моррис.

Так, математическая форма выражения хорошо приспособлена для того, чтобы выдвигать на первый план взаимосвязь терминов в языке (т. е. их синтактику. — *Н. М.*), так что отношение к объектам и интерпретаторам (т. е. семантика и прагматика. — *Н. М.*) отодвигается назад; язык эмпирической науки особенно пригоден для описания природы; язык морали, изобразительных и прикладных искусств особенно подходит для управления поведением, для представления вещей и ситуаций как объек-

¹ Позже (в лингвистических работах Г. Клауса, А. Е. Супруна и других авторов) трехаспектная модель Морриса была дополнена четвертым измерением — парадигматикой (подробно об этом см. п. 76).

² После «тривия» шли науки «квадрия» (музыка, арифметика, геометрия, астрономия); все вместе они составляли «семь свободных искусств (или наук)» доуниверситетской подготовки школяров.

тов интереса, для манипуляций вещами с целью достижения желаемых результатов. И во всех этих случаях представлены все измерения семиозиса, но некоторые из них занимают подчиненное положение или частично преобразованы в силу того, что внимание сосредоточено на одном из измерений (там же, 87).

Таким образом, семиотический (т.е. «с высоты птичьего полета») взгляд на тексты, циркулирующие в социумах, позволил Моррису сжато и вместе с тем рельефно охарактеризовать основные типы дискурса, а также задолго до послевоенной лингвистической прагматики поставить вопрос о механизмах злоупотребления языком и манипулирования людьми посредством языка. Такова еще одна эвристическая возможность тернарной (трехчленной) оппозиции синтактики, семантики и прагматики.

Моррисовское различие синтактики, семантики и прагматики стало классическим «общим местом» семиотики (во всяком случае философы и культурологи пишут об этой триаде чаще и с большим пониманием, чем о пирсовском различии знаков-индексов, икон и символов).

Одно из поздних лингвофилософских построений, основанных на триаде Пирса, представлено в книге Ю.С. Степанова 1985 г. «Сама трехмерность языка, — пишет автор, — это главный источник проблем для лингвистики, философии и искусства слова. Изучение языка в лингвистике, его осмысление в философии, его освоение в искусстве слова — более или менее одновременно и параллельно во всех этих областях — направляется также по трем названным осям» (Степанов 1985, 3). С оппозицией синтактики, семантики и прагматики Ю.С. Степанов связывает и три сосуществующие в истории знания парадигмы в осмыслении языка: семантическую парадигму (философия имени), синтактическую (философия предиката) и прагматическую (философия эгоцентрических слов).

Считая семиотику общенаучной дисциплиной, Моррис, однако, подчеркивал ее особое значение именно для гуманитарного знания. «Семиотика дает основу для понимания важнейших форм человеческой деятельности и связи этих форм друг с другом, поскольку все эти виды деятельности и все отношения находят отражение в знаках» (Моррис [1938] 1983, 88). «Понятие знака может оказаться столь же фундаментальным для наук о человеке, как понятие атома для физических наук и клетки для наук биологических» (там же, 74). В отличие от Шпета, который отводил семиотике относительно более скромное место формальной онтологии (см. п. 12), Моррис был готов отождествить «философию с теорией знаков и с унификацией науки, иначе говоря, с общими и системными аспектами чистой и дескриптивной семиотики» (там же, 88).

Кроме «Оснований теории знаков» Моррис написал также книги по семиотике и философии: «Знаки, язык и поведение» (1946), «Разнообразие человеческих ценностей» (1958), «Значение и означивание. Изучение отношений знаков и ценностей» (1964)¹.

14. Семиотические идеи Романа Якобсона. Роман Осипович Якобсон (1896—1982), выдающийся филолог XX в.², был прежде всего языковедом, представляя по характеру своей научной работы «тип разведчика» в науке (слова Вяч. Вс. Иванова о Якобсоне). Он был первым в постановке ряда новых проблем лингвистики, в осмыслении ее междисциплинарных связей и будущего. Широчайший исследовательский кругозор Якобсона и натура «разведчика» обусловили его стойкий интерес к семиотике. Якобсон много сделал для развития семиотики и ее упорочения в гуманитарном знании³.

Говоря о личностных истоках новаторства Якобсона, Вяч. Вс. Иванов подчеркивает, что Якобсон с ранней юности был связан с русским художественным авангардом начала XX в.: дружил с Казимиром Малевичем, Бурлюками, Алексеем Крученых, а Хлебникова всю жизнь считал «самым большим поэтом» (Иванов 1996, 9—11). Этот опыт, как и собственные футуристические стихи молодого Якобсона, обостряли чуткость к семиотическому разнообразию языков культуры.

Позже Якобсон был связан дружбой или приятельством и общей исследовательской работой с замечательными филологами, входившими в ОПОЯЗ в Петрограде (В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский и др.) и в Московский лингвистический кружок (Г. Г. Шпет, Г. О. Винокур, М. Н. Петерсон, Н. Ф. Яковлев и др.). Структурно-семиотические идеи русской филологии 1920-х гг. формулировались в терминах теории литературы (иногда новых⁴), однако чаще — в постановке новых проблем,

¹ Ее первая глава «Знаки и действия» опубликована в антологии (Семиотика 1983, 118—132).

² Якобсон писал, что хотел себя видеть прежде всего «русским филологом», как гласит отвечающая его пожеланию надпись на могиле в Кембридже (штат Массачусетс) (Иванов 1996, 9).

³ Неслучайно в 1970-х гг. Якобсон исполнял обязанности президента Международной ассоциации семиотики (см.: Семиотика 1972, 335), и его докладом открылся Первый Международный конгресс по семиотике (Милан, июнь 1974 г.).

⁴ Ср.: *остранение, воскрешение слова, деавтоматизация восприятия, заумь, формальный метод, литературный факт, стиховая семантика, доминанта произведения или жанра* и др.; ср. также новые термины в «Морфологии сказки» В. Я. Проппа: *функции и атрибуты действующих лиц, распределение функций по действующим лицам, способы включения в ход действия новых действующих лиц, элементы для связи функций между собой и др.*

но при относительно традиционных терминах¹. Новаторские идеи ОПОЯЗа и Московского лингвистического кружка, позже воспринятые Пражским лингвистическим кружком, стали важной предпосылкой семиотического мышления Jakobsona.

Jakobson обращался к семиотике большей частью не «специально», но «в поисках сущности языка»², в результате углубленного и вместе с тем «широкого» осмысления ее природы. У него не много работ, в которых семиотическая тема является основной³, однако и его лингвистические работы часто содержат важные семиотические мотивы и решения. Неслучайно Умберто Эко в 1977 г. назвал влияние Jakobsona на современную семиотику «к а т а л и з и р у ю щ и м» (цит. по: Иванов 1998, 769).

Семиотическая концепция Jakobsona может быть представлена в следующих тезисах.

А. Границы знака. Для семиотики Jakobsona характерно предельно обобщенное понимание феномена знака. Вслед за Пирсом Jakobson считал логически последовательным и познавательно оправданным определять знак без тех ограничений, которые вводили некоторые авторы.

Ограничения, которые не принимал Jakobson, касаются следующих моментов:

а) мотивированность означающего своим означаемым: ряд авторов относят к знакам только целиком условные (конвенциональные) знаки (по терминологии Пирса, — символы) и исключают знаки-индексы и знаки-иконы; однако для Jakobsona все названные феномены суть знаки;

б) интенция (намерение) передать информацию: если намерения нет, то проявления такой ненамеренно («нечаянно») переданной информации (например, произвольные плач, зевота или жест, краска стыда или смущения и т.п.) некоторыми авторами рассматриваются как «квазизнаки» (см. п. б); для Jakobsona квазизнаки — это тоже знаки; более

¹ Ср.: *искусство как прием, литературное произведение как соотношение материалов, связь приемов сюжетостроения с общими приемами стиля, литературное произведение как система, литературная эволюция как смена «эпох-систем», влияние стиха на смысл слов, второстепенные и колеблющиеся признаки значения, смещение, сдвиг* и многое другое.

² Так называется одна «чисто семиотическая» статья 1965 г. (см. Jakobson [1965] 1983).

³ Из переведенных на русский язык, кроме упомянутой статьи «В поисках сущности языка», это такие работы: «Лингвистика и теория связи» (1961) (см.: Звегинцев 1965, II, 435—444); выступление на I Международном симпозиуме «Знак и система языка» (1962) (см.: Звегинцев 1965, II, 395—402); «К вопросу о зрительных и слуховых знаках» (1964) (см.: Семиотика 1972, 82—87); «Да и нет в мимике» (1970) (см. Язык и человек. — М., 1970); «Язык в отношении к другим системам коммуникации» (см. Jakobson [1970] 1985); «Взгляд на развитие семиотики» (см. Jakobson [1975] 1996); «Несколько слов о Пирсе, первопроходце науки о языке» [1977] (см. Jakobson [1977] 1996).

того, Якобсон писал, что «знак не нуждается ни в чем, кроме возможности быть интерпретированным, даже при отсутствующем адресанте. Симптомы болезней, таким образом, тоже могут считаться знаками» (Якобсон [1975] 1996, 147);

в) содержательная автономность (самодостаточность) означаемого знака: согласно довольно распространенному определению, принятому в данной книге (см. пп. 6.3), (см. также: ЛЭС 1990; статья А. А. Уфимцевой «Знак языковой»), «за» означаемым знака стоит нечто такое, что не меньше отдельного представления (т. е. соответствует, как минимум, слову, но не морфеме и не фонеме); Якобсон не принимал такого ограничения и относил к знакам не только фонемы, но и минимальные смыслоразличительные единицы языка — дифференциальные признаки фонем (глухость — звонкость, твердость — мягкость, взрывность — невзрывность и т. д.)¹.

Отстаивая пирсовское «безбрежное» понимание знака, Якобсон писал: «Все фонологические компоненты (независимо от того, являются ли они дифференциальными признаками, или демаркационными, стилистическими, или даже полностью избыточными элементами) функционируют в качестве имманентных знаков, каждый наделенный своим собственным *signatum* [‘означаемым, значением’] ...Относительная сложность таких знаков, как синтаксический период, монолог или диалог, не влияет на тот факт, что в пределах любого языкового явления все компоненты являются знаками. Дифференциальные признаки, цельный дискурс и другие лингвистические сущности, несмотря на структурные отличия их функций и поля деятельности, все подчинены одной общей науке о знаках» (Якобсон [1975] 1996, 155 — 156).

Б. Положение семиотики в кругу наук. Якобсон мысленно чертил три концентрических круга, из которых I (внутренний) — это лингвистика, II — семиотика, III — «общая наука о коммуникации, которая включает социальную антропологию, социологию и экономику» (Якобсон [1970] 1985, 321). Существенно, что Якобсон отделяет семиотику от «общей науки о коммуникации»: в этом он близок Шпету (который видел в семиотике только «формальную онтологию») и отличается от «безбрежного» понимания семиотики Ч. Моррисом и У. Эко (см. п. 13 и 16).

В. Структура коммуникативного акта. В работе «Лингвистика и поэтика» (Якобсон [1960] 1975), развивая идеи «Математической

¹ Между тем дифференциальные признаки фонем не только ничего не обозначают, но и (в отличие от фонем) даже не являются психологической реальностью для говорящих. В этом, с нашей точки зрения, уязвимостью решения считать знаками те феномены, которые в семиотике называют *субзнаки*, *частичные знаки*, *экспоненты* и т. п. Неслучайно Якобсону понадобился термин *имманентный знак* (для фонем и дифференциальных признаков), чтобы отличить названные феномены от «настоящих знаков» (см. следующую ниже цитату).

теории связи» (1948) Клода Шеннона (одного из создателей кибернетики), Якобсон предлагает принципиальную схему коммуникативного акта (с различением его 6 компонентов — **адресанта, адресата, кода, сообщения, контакта и референции**). Эта модель исключительно важна, во-первых, для исследования функциональной стороны языка и других семиотик: она задает максимально полный набор функций, могущий служить основанием для сопоставления разных семиотик (которые могут различаться по составу функций и/или по характеру их реализации; см. подробно главу 6).

Во-вторых, представленная в модели оппозиция адресанта и адресата привела к методологически важному различению **кодирования** и **декодирования**, а в метаязыковом плане — к различению «лингвистики говорящего (отправителя сообщения)» и «лингвистики слушающего (получателя сообщения)». Языковая реальность, которая открывается исследователю, стоящему на точке зрения говорящего, во многом непохожа на ту реальность, которая открывается перед слушателем.

Например, для говорящего почти нет проблемы омонимии — он ее замечает только в том случае, если способен мысленно поставить себя на место слушающего, учесть трудности декодирования и в какой-то мере их уменьшить. Например, увидеть, что фразу *Был заслушан доклад комиссии* можно понимать двояко ('комиссия выслушала (чей-то) доклад' и 'комиссия сделала доклад') и поэтому надо построить фразу так, чтобы слушающий понял ее однозначно: *На совещании был заслушан доклад, подготовленный комиссией*, или, при другой реальности, *На заседании комиссии был заслушан доклад, подготовленный инспектором NN*). Если анализ языковых данных ведется с точки зрения отправителя, то исследователь не должен игнорировать семантику (так как для отправителя семантика является чем-то первичным); напротив, если анализ ведется с позиций декодирования, то феномен значения возникает лишь в итоге процесса декодирования. Смешение этих двух точек зрения Якобсон называл «противозаконным компромиссом» (Якобсон [1962] 1965, 401).

Оппозиция кодирования и декодирования была положена А. Р. Лурия в основание классификации процессов речевой деятельности и речевых расстройств. В его книге «Основные проблемы нейролингвистики» две части: «Нейропсихологический анализ формирования речевого сообщения» и «Нейропсихологический анализ понимания речевого сообщения» (см.: Лурия 1975).

Г. Переключатели («шифтеры») и другие актуализаторы информации. Якобсон показал, что в кодах с богатыми семантическими возможностями (в том числе в языке) должны быть в наличии специальные операторы (отдельные от знаков с преобладанием денотативной семантики), которые проясняли бы характер связи порождаемого высказывания с ситуацией речи (т. е. с

данным, «текущим» речевым актом). Якобсон назвал эти средства **шифтерами** (т. е. переключателями, подвижными определителями) и отнес к ним показатели лица в местоимениях и глаголах (которые указывают, кто является субъектом действия по отношению к участникам и неучастникам речевого акта: *иду—идешь—идет*, показатели модальности: *иди—пошел бы ты—идешь*, степени отдаленности актантов ситуации от говорящего: *тот—этот, там—здесь, тогда—сейчас*) и некоторые другие (см. подробно: Якобсон 1972). По мнению Вяч. Вс. Иванова, в этой концепции отразилось влияние на лингвистику и семиотику лингвистической философии Б. Рассела и Л. Витгенштейна, «чьи мысли об эгоцентрических словах способствовали формированию якобсоновского понимания шифтеров» (Иванов 1996, 12).

Д. Лингвистическая конкретизация явления иконичности в языке. Якобсон показал, что знаки-иконы, а также знаки с элементами или чертами иконичности представлены в естественных языках в значительно большей мере, чем это постулировал Соссюр (см. п. 36—41).

Е. Универсальность оппозиции «метафора — метонимия» в языке, в работе мозга, искусствах. В статье «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» (Якобсон [1956] 1990)¹ Якобсон показал, что в любой системе знаков первенствует различение двух видов отношений (связей) между знаками: с одной стороны, это связи элементов **по сходству** (метафора), а с другой — связи **по смежности** (метонимия). Разумеется, если принять во внимание, что различению метафоры и метонимии по меньшей мере 26 веков, и Пирс использовал оппозицию «связь по смежности — связь по сходству» для различения знаков-индексов и знаков-копий, а Соссюр различал парадигматические и синтагматические отношения между языковыми знаками, то становится понятно, что в концепции Якобсона новым было обобщение и универсализация этой оппозиции: Якобсон указал на ее первостепенную значимость для самых разных знаковых систем и семиотических процессов (афазии, поэзии, искусства кино и др.). При этом термины *метафора* и *метонимия* становятся перифрастическими обозначениями двух главных видов отношений между знаками (*парадигматики* и *синтагматики*) и соответствующих им операций над знаками (*селекции* и *комбинации*). В таблице 3 показано, насколько широко оппозиция «метафора — метонимия» используется в гуманитарных исследованиях.

Мысли Якобсона об универсальной значимости рассматриваемой оппозиции получили подтверждение и развитие в разных ис-

¹ Вариант этой работы под заглавием «Два вида афатических нарушений и два полюса языка» напечатан в книге (см.: Якобсон 1996, 27—52).